
ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

П О С Т А Н О В Л Е

О проекте Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы

Л Е Н И Н С К

Вчера в «Правде» опубликовано Постановление ЦК КПСС «О проекте Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы». Одобренный ЦК КПСС проект напечатан в газетах. Решено провести его обсуждение в партийных организациях, на собраниях трудящихся и в печати.

Проект Директив XXIV съезда КПСС — документ огромной политической и государственной важности. Разработанный на основе глубокого научного анализа советской экономики, с учетом современного уровня ее развития и достижений научно-технического прогресса, он представляет собой развернутую программу дальнейшего неуклонного подъема народного хозяйства нашей страны, повышения жизненного уровня советского народа. В нем находит яркое воплощение ленинская генеральная линия нашей партии, выражающей коренные интересы советского народа и уверенно ведущей его от рубежа к рубежу по пути коммунистического строительства.

За годы минувшей, восьмой пятилетки трудящиеся нашей Родины под руководством партии добились новых крупных успехов в развитии всех отраслей народного хозяйства, в решении социальных задач, в повышении материального и культурного уровня жизни советских людей. Директивы XXIII съезда КПСС по важнейшим экономическим и социальным показателям успешно выполнены. Народное хозяйство СССР в этот период развивалось высокими темпами и более эффективно, чем в предыдущей пятилетке. Существенно ускорились темпы роста жизненного уровня населения. Упрочились морально-политическое единство советского общества, братство народов СССР, их сплоченность вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета. Получила дальнейшее развитие социалистическая демократия. Укрепилась оборонная мощь страны. Еще более прочными стали позиции и авторитет Советского Союза на международной арене.

В проекте Директив XXIV съезда КПСС определены основные направления экономического развития страны, перспективные задачи на новую пятилетку. Эти задачи поистине грандиозны. Девятый пятилетний план будет важным этапом в дальнейшем продвижении советского общества по пути к коммунизму, строительстве его материально-технической базы, укреплении экономической и оборонной мощи страны. «Главная задача пятилетки состоит в том,— подчеркивается в проекте ЦК КПСС,— чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда».

Исходя из основных задач новой пятилетки, партия намечает: осуществить широкую программу социальных мероприятий; ускорить темпы научно-технического прогресса и обеспечить осуществление единой технической политики; всемерно развивать фундаментальные и прикладные научные исследования и быстрее внедрять их результаты в народное хозяйство; последовательно развивать сотрудничество с социалистическими странами, всемерно содействовать укреплению мировой системы социализма.

Важнейшее значение придает партия укреплению экономической мощи страны. Основная задача промышленности в новом пятилетии заключается в расширении и совершенствовании индустриальной базы развития социалистической экономики. Предусматривается обеспечить высокие темпы роста и пропорциональное развитие общественного производства, особенно сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, значительно поднять эффективность всех отраслей народного хозяйства. Национальный доход возрастет за пятилетие на 37—40 процентов, при этом не менее 80 процентов его прироста будет получено за счет увеличения производительности труда.

Развитие всех отраслей индустрии тесно связывается с интересами наиболее полного удовлетворения жизненных потребностей советского народа. Намечается более быстрый рост и повышение удельного веса промышленности, производящей товары народного потребления, а также сырье, машины и оборудование для их выпуска. Производство промышленной продукции за пятилетие должно возрасти на 42—46 процентов, в том числе производство средств производства на 41—45 процентов, а предметов потребления — на 44—48 процентов.

Поражают воображение высоты, которых достигнут различные отрасли промышленности. Планируется довести производство электроэнергии до 1.030—1.070 миллиардов киловатт-часов, добычу нефти — до 480—500 миллионов тонн, газа — до 300—320 миллиардов кубометров, угля — до 685—695 миллионов тонн, выплавку стали — до 142—150 миллионов тонн. Производство продукции нефтеперерабатывающей промышленности увеличится в 1,5 раза, химической и нефтехимической — в 1,7 раза. По машиностроению и металлообработке выпуск продукции возрастет в 1,7 раза, в том числе товаров народного потребления — в 2,2 раза. Предусмотрен быстрый подъем производства в легкой, пищевой, мясо-молочной, рыбной, лесной, деревообрабатывающей и других отраслях промышленности.

Партия разработала и успешно осуществляет широкую программу дальнейшего роста сельскохозяйственного производства. В новой пятилетке предстоит увеличить среднегодовой объем производства сельскохозяйственной продукции по сравнению с предшествующим пятилетием на 20—22 процента, обеспечив более полное удовлетворение возрастающих потребностей населения в продуктах питания и промышлен-

НИЕ ЦК КПСС

1. Одобрить проект Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

2. Опубликовать в печати проект ЦК КПСС «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы».

3. Провести обсуждение проекта ЦК КПСС «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы» в партийных организациях, на собраниях трудящихся и в печати.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. БРЕЖНЕВ

ИМ КУРСОМ

ности в сырье. Решающее условие выполнения этой задачи — всемерное укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, последовательное осуществление курса на его интенсификацию.

В проекте Директив намечены конкретные меры, выполнение которых обеспечит повсеместный рост урожайности полей и продуктивности животноводства, повышение качества продуктов и сельскохозяйственного сырья. Будет сохранен принцип твердых планов заготовок сельскохозяйственных продуктов и поощрения хозяйств за сверхплановую продажу их государству путем применения повышенных цен. Намечено довести к 1975 году поставки минеральных удобрений до 72 миллионов тонн и кормовых фосфатов до 3 миллионов тонн, ввести за пятилетие в эксплуатацию 3 миллиона гектаров новых орошаемых земель. Деревня получит дополнительно 1.700 тысяч тракторов, 1.100 тысяч грузовых автомобилей, много другой техники. Возрастет электровооруженность сельского хозяйства, производительность труда в колхозах и совхозах поднимется на 37—40 процентов.

Один из важных факторов успешного экономического строительства — развитие транспорта и связи. В новой пятилетке будут повышены мощности и маневренность транспортной системы. Грузооборот всех видов транспорта увеличится на 32—35 процентов. Многое предстоит сделать для совершенствования работы связи, радиовещания и телевидения.

В деятельности нашей партии на первом плане всегда находится ее программная цель, воплощенная в благородном лозунге: «Все во имя человека, для блага человека». Эта высшая цель пронизывает и проект Директив на новую пятилетку. Предусматривается развернутая система мер, обеспечивающих новый, существенный подъем жизненного уровня народа. Реальные доходы в расчете на душу населения возрастут примерно на 30 процентов, средняя заработная плата рабочих и служащих поднимется на 20—22 процента, оплата труда колхозников в общественном хозяйстве колхозов — в среднем на 30—35 процентов. Намечено дальнейшее повышение минимальной заработной платы. Общественные фонды потребления возрастут на 40 процентов. Эти средства пойдут на улучшение здравоохранения, развитие народного образования, подготовку кадров и воспитание детей, повышение пенсий рабочим, служащим, колхозникам, стипендий учащимся.

Росту благосостояния советского народа будут способствовать увеличение товарных ресурсов, более полное насыщение рынка высококачественными товарами в нужном ассортименте, расширение объема услуг, предоставляемых населению. Проект предусматривает обеспечить стабильность государственных розничных цен на товары народного потребления, производить снижение цен на отдельные виды товаров по мере накопления товарных ресурсов. В соответствии с ростом доходов населения и расширением производства предметов потребления розничный товарооборот увеличится в 1,4 раза.

Партия последовательно и неустанно заботится об улучшении жилищных условий населения. В новой пятилетке планируется построить за счет всех источников финансирования жилые дома общей площадью 565—575 миллионов квадратных метров против 518 миллионов в минувшем пятилетии. Это значит, что у нас в стране по сути дела идет процесс обновления жилого фонда и к ста с лишним миллионам советских людей, которые справили новоселье за последнее десятилетие, прибавятся еще десятки миллионов граждан.

Для выполнения намечаемых заданий по развитию экономики, росту благосостояния и культурного уровня жизни народа предусмотрено увеличить за пятилетие капиталовложения в народное хозяйство на 36—40 процентов. Решено значительно повысить эффективность капитальных вложений. Речь идет прежде всего о наиболее рациональном использовании материальных и финансовых ресурсов, выделяемых на строительство, с тем чтобы получить максимальный прирост производства продукции на каждый рубль вложенных средств.

Предусмотрено ускорить темпы научно-технического прогресса путем всемерного развития исследований в наиболее перспективных областях науки и сокращения сроков внедрения в производство результатов научных исследований. В широких масштабах будут проводиться замена ручного труда машинным, совершенствование отраслевой и внутриотраслевой структуры народного хозяйства. Предстоит создать и внедрить принципиально новые орудия труда, материалы и технологические процессы, превосходящие по своим технико-экономическим показателям лучшие отечественные и мировые достижения.

Большое внимание уделяется в новой пятилетке дальнейшему улучшению размещения производительных сил, совершенствованию территориальных экономических связей. Ставится задача повысить роль союзных республик и местных Советов депутатов трудящихся в решении этих вопросов. Как важнейшая задача в области размещения производительных сил и улучшения территориальных пропорций в народном хозяйстве выдвигается дальнейшее ускоренное освоение природных ресурсов и наращивание экономического потенциала восточных районов. Определены основные направления дальнейшего развития хозяйства союзных республик и экономических районов страны.

Одним из главных резервов нашего дальнейшего роста является повышение уровня всей работы по управлению производством в соответствии с требованиями современного этапа коммунистического строительства. Дальнейшее совершенствование управления, планирования и экономического стимулирования, применение в этой области новейшей техники, еще более широкое вовлечение в управление экономикой тру-

дящихся будут способствовать обеспечению всесторонней интенсификации общественного производства и повышению его эффективности. А это — основная линия экономического развития страны как на ближайшие годы, так и на длительную перспективу, важнейшее условие создания материально-технической базы коммунизма.

В успешном строительстве коммунизма, укреплении экономического могущества и обороноспособности социалистической Родины Коммунистическая партия, весь наш народ видят свой важнейший интернациональный долг. Советский Союз будет и впредь всесторонне совершенствовать и расширять экономические и научно-технические связи с социалистическими странами в направлении дальнейшего укрепления содружества, последовательной экономической интеграции хозяйств стран — членов СЭВ. Мы будем развивать устойчивые внешнеэкономические и научно-технические связи с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки. Дальнейшее расширение получат экономически оправданные внешнеторговые и научно-технические связи с промышленно развитыми капиталистическими государствами. Объем внешнеторгового оборота за пять лет увеличится на 33—35 процентов.

Осуществление девятого пятилетнего плана, подчеркивается в проекте Директив, будет иметь большое международное значение. Рост советской экономики послужит дальнейшему укреплению сил мирового социалистического содружества, вновь продемонстрирует преимущества плановой социалистической системы хозяйства. Выполнением пятилетки советский народ внесет достойный вклад в сплочение всех сил, борющихся за мир, демократию и социализм.

Замечательные успехи Страны Советов в борьбе за победу коммунизма, все, чем гордится советский народ, что вызывает восхищение трудящихся планеты, достигнуто в результате самоотверженного труда рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, благодаря руководящей и направляющей роли Коммунистической партии, которая твердо идет ленинским курсом, творчески руководствуется бессмертными идеями марксизма-ленинизма. Как сознательный, организующий авангард общества, партия тесно связана с широчайшими массами трудящихся, она придает организованный и планомерный характер всей работе по строительству коммунизма в нашей стране.

Славной традицией партии стал великий принцип, завещанный Лениным,— советоваться по важнейшим вопросам с коммунистами, со всем советским народом. Проект Директив XXIV съезда КПСС по девятой пятилетке опубликован за полтора месяца до его открытия и вынесен на обсуждение всей партии, всего народа. Он находит единодушное одобрение советских людей. Надо, чтобы его основные направления и задачи были доведены до каждого коммуниста, до каждого трудящегося. Труд — источник богатства, и каждый советский человек своим трудом приближает торжество коммунизма.

ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы, горкомы и райкомы партии, первичные партийные организации призваны развернуть широкую политическую и организаторскую работу, связанную с обсуждением проекта Директив, с обеспечением выполнения государственных планов на всех участках хозяйственного строительства. Надо глубоко вникать в деятельность предприятий, колхозов, совхозов, критически анализировать состояние производства и выявлять резервы для повышения его эффективности, добиваться строжайшего соблюдения государственной дисциплины.

Повседневная активная борьба партии, всего народа за выполнение девятого пятилетнего плана обеспечит дальнейшее укрепление могущества нашей Родины, приблизит завершение создания материально-технической базы коммунизма, будет всемерно способствовать формированию коммунистических общественных отношений, воспитанию нового человека.

«Впереди новые рубежи коммунистического строительства,— говорил в новогоднем поздравлении советскому народу тов. Л. И. Брежнев.— Страна Советов вступает в девятую пятилетку, идет навстречу XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Мы твердо уверены в том, что советские люди ознаменуют съезд родной партии дальнейшим подъемом всенародного социалистического соревнования, воспримут его решения как свое кровное дело, приложат все силы, знания, опыт для успешного претворения их в жизнь. В верности ленинским заветам, в руководстве Коммунистической партии — надежная гарантия новых великих побед».

В эти дни по всей стране с новой силой ширится массовое всенародное движение за достойную встречу предстоящего съезда. Основным содержанием социалистического соревнования становится целенаправленная борьба за высокую эффективность производства. Окрыленные достигнутыми успехами, воодушевленные перспективами, которые открывает девятая пятилетка, советские люди изыскивают дополнительные резервы и возможности развития производства, повышают свою трудовую активность. Весь наш народ, тесно сплоченный вокруг родной партии, самоотверженно трудится над претворением в жизнь ее великих предначертаний.

Под испытанным руководством ленинской партии — к новым победам коммунистического строительства!

«Правда», 15 февраля 1971 г.

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 8 (2277)

20 ФЕВРАЛЯ 1971

Москва, 16 февраля. Трижды орденоносный завод «Красный пролетарий». Партгрупорг 4-го участка первого сборочного цеха Василий Дмитриевич Птащук знакомит рабочих с проектом Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

Фото Д. Ухтомского.

ВЕРНОСТЬ ПРИСЯГЕ

Генерал армии И. Г. ПАВЛОВСКИЙ, заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий сухопутными войсками

Нынешний День Советской Армии и Военно-Морского Флота советский народ отмечает в канун XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Во всех уголках необъятной нашей Родины сейчас разгорелось социалистическое предсъездовское соревнование. Советские люди подводят итоги своим достижениям и готовятся с гордостью доложить о них съезду КПСС.

Нам, воинам Вооруженных Сил Страны Советов, тоже есть чем гордиться и что доложить родной партии.

В мире нет другой армии, которая начала бы свой боевой путь в столь тяжких условиях, как наша, и которая в столь краткий исторический срок достигла бы такого могущества. В годы революции и гражданской войны по зову партии и ее вождя Владимира Ильича Ленина на защиту Советской власти, под боевые знамена рабоче-крестьянских полков встали сотни тысяч беззаветно преданных бойцов. Плохо вооруженные, разутые, раздетые, голодные, они вышли победителями из кровопролитнейших сражений с отборными, прекрасно снаряженными и вооруженными полчищами белогвардейцев и интервентов.

В годы гражданской войны впервые прозвучали слова присяги, в которой бойцы Красной Армии клялись в верности не царям и диктаторам, а трудовому народу — рабочим и крестьянам, взявшим в руки власть в первом и тогда еще единственном в мире социалистическом государстве. Более полувека тому назад красноармейские полки под Псковом и Нарвой дали первый бой войскам немецкого кайзера, рвущимся к Петрограду. И выстояли, заступили им дорогу к революционной столице...

Что помогло первым красноармейцам одержать верх над сильнейшим врагом? Верность социалистическому Отечеству, партии, ленинскому делу, верность присяге, в которой каждый воин торжественно поклялся не жалеть жизни и крови для победы над врагом.

После гражданской войны враги нашего социалистического Отечества — японские самураи — не раз пытались нарушить мирный труд советского народа. Но все провокации — и на озере Хасан на Дальнем Во-

стоке и в пределах братской Монголии, на реке Халхин-Гол,— неизменно разбивались о стойкость и мужество воинов Красной Армии.

Верность присяге привела наших воинов к победе над гитлеровскими агрессорами в Великой Отечественной войне.

В то время, когда началась война, гитлеровская армия не знала себе равных в капиталистическом мире. Она была до зубов вооружена наисовременнейшей техникой. На нее работала вся военная промышленность оккупированных стран Европы. Ее солдаты и офицеры накопили боевой опыт и привыкли к легким победам на западе.

А Красная Армия еще только перевооружалась, большинство ее частей не успело получить новейшие типы танков, самолетов, орудий, которые начала выпускать наша военная промышленность.

И все-таки в первые же дни войны Гитлеру пришлось с ужасом убедиться, что планы «блицкрига», «молниеносной войны», которые уже не раз были испытаны на многих европейских странах, в Советском Союзе потерпели полный провал.

В самые тяжкие дни, когда наши войска, с трудом сдерживая натиск вражеских полчищ, отходили все дальше и дальше в глубь страны, верные присяге советские воины сражались до последнего патрона, до последней гранаты, бесстрашно отбивая вражеские атаки.

Помню, как в предгорьях Кавказа небольшое подразделение гвардейцев из соединения, которым я тогда командовал, удерживало важную высоту, с которой хорошо просматривалось вражеское расположение. Враг сосредоточил превосходящие силы и попытался захватить эту высоту. Но все его яростные атаки, поддержанные танками, были отбиты воинами роты капитана Карнаухова, который умело командовал своими гвардейцами, показывая им пример мужества и доблести. Советские воины сражались отважно. Нанесли врагу ощутимые потери и отстояли высоту...

Я привел один лишь пример. Но так было на всех фронтах, в бесчисленных схватках, боях и сражениях.

На этом долгом и трудном боевом пути советские солдаты и офицеры — пехотинцы, танкисты, артиллеристы, летчики, саперы, связисты, десантники, моряки — принесли освобождение от фашистской нечисти многим народам и странам, показали всему миру небывалое мужество, доблесть и героизм. Они оказались достойными преемниками своих отцов и старших братьев, отстоявших завоевания Октября в годы гражданской войны, и всегда, при всех обстоятельствах сохраняли верность присяге.

Не только боевое прошлое Вооруженных Сил вызывает чувство законной гордости и восхищения нашего народа и его друзей за рубежом. Унаследовав боевой опыт войны, они не остановились в своем развитии. Пройдя важнейшие этапы послевоенных преобразований, вызванных внедрением ракетно-ядерного оружия, новой боевой техники, радиоэлектроники, автоматики и телемеханики, наши Вооруженные Силы вышли на новый уровень боевого совершенства. В настоящее время Советские Вооруженные Силы, прочно опираясь на созданный партией могучий экономический, научный и морально-политический потенциал, обладают огромными боевыми возможностями и способны разгромить и уничтожить любого врага.

Но для того, чтобы вся грозная боевая техника Советской Армии без промаха разила врага, если он осмелится напасть на нашу Родину или посягнуть на братские народы великого социалистического лагеря, нужны верные, смелые, хладнокровные люди, готовые в любой момент преградить путь агрессору.

В мирное время верность присяге состоит в том, чтобы каждый воин с величайшей ответственностью и с большим напряжением, не жалея сил, учился, осваивал высоты воинского мастерства, повышал свой политический уровень. Ведь, принимая присягу, новобранец торжественно клянется не только защищать Родину, но защищать ее умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Непросто воспитать воина, способного в точности выполнить букву и дух присяги, которую он приносит, вступая в ряды Вооруженных Сил СССР. Военная служба — нелегкий труд. Вся жизнь воина регламентирована жесткими рамками уставов, которые требуют строжайшего соблюдения. От каждого воина требуется высокая организованность, твердая воля, умение в любых обстоятельствах держать себя в руках, сохранять полное спокойствие и присутствие духа, беспрекословно выполнять приказы старших начальников.

Лишь отвечая всем этим требованиям, воин может выполнить присягу — свой самый важный в жизни долг перед Родиной и партией.

Наш народ по праву гордится своей армией — ее могучим вооружением и техникой. Но более всего он гордится ее солдатами и офицерами, воспитанными в духе величайшей преданности Родине и партии, в духе верности присяге.

Офицеры и политработники всех родов войск приложили немало труда, терпения и подлинного творчества, чтобы научить своих подчиненных всем тонкостям нелегкого ратного искусства, воспитать из них настоящих воинов — стойких, преданных, политически грамотных.

Наши офицеры и генералы превосходно подготовлены в военной и технической областях. Каждый четвертый офицер имеет высшее военное и специальное образование. И, что особенно приятно отметить, многие офицеры — это задорная молодежь, физически крепкая, выносливая, обладающая кипучей энергией, смелостью, увлеченная романтикой военной службы. Вот кто в нашей нынешней армии принимает эстафету героических дел старшего поколения!

А солдаты, сержанты, старшины? Для нас, кадровых военных, отдавших военной службе не один десяток лет, переживших войну, особенно зримы приметы качественных изменений уровня рядового и сержантского состава.

Из года в год войска пополняются все более образованной, технически грамотной и физически подготовленной молодежью. Большинство призывников становятся в строй, имея высшее и среднее образование, обладая нужной на военной службе технической специальностью. Среди призывников — немало спортсменов, хорошо физически тренированных людей. Без такого подготовленного контингента современной армии не обойтись: боевая техника и оружие требуют от воина немалых знаний в области математики, физики, химии, электроники, твердой руки, умения сосредоточиться, проявить инициативу.

Конечно, многое из того, что нужно воину, он приобретает в частях и подразделениях в ходе повседневной напряженной службы и учебы, здесь он совершенствует свое боевое мастерство, здесь формируются его морально-боевые качества.

Поэтому очень важно, чтобы юноши, уходя на военную службу, уже были подготовлены к прохождению нелегкого курса военной науки, к тем требованиям, которые предъявляет к ним нынешний уровень боевой техники и вооружения. Недаром Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Современной армии, флоту, авиации нужны сейчас люди образованные, идейно стойкие, физически закаленные, способные соединить традиции беззаветного мужества отцов с совершенным знанием новейшей военной техники».

Этим требованиям партии ныне, безусловно, отвечают воины всех родов войск. В ходе предсъездовского соревнования в частях, соединениях и военно-учебных заведениях выросло много прекрасных мастеров меткого огня, вождения танков и боевых машин, классных специалистов, спортсменов-разрядников, значкистов военно-спортивного комплекса. Каждый третий воин — отличник боевой и политической подготовки. Более восьмидесяти процентов подразделений имеют хорошие и отличные показатели. В передовых частях многие солдаты, опережая время, за один год службы повышают свою классность на две ступени. Но, как всегда, тон в боевой и политической учебе задают коммунисты и комсомольцы. Они и являются той гранитной основой, на которой зиждется высокое политико-моральное состояние войск, их непоколебимая верность воинскому долгу и присяге.

Ярким свидетельством технической мощи нашей армии, воинского мастерства и высокого боевого духа ее солдат и офицеров явились проведенные в ленинском юбилейном году крупные войсковые маневры «Двина», послужившие боевым рапортом воинов партии и советскому народу. Маневры «Двина» проводились в условиях, максимально приближенных к реальному бою. Они явились высшей школой подготовки войск, строгим экзаменом на зрелость для всего личного состава и серьезным испытанием его морально-политической стойкости, боевого духа и волевых качеств.

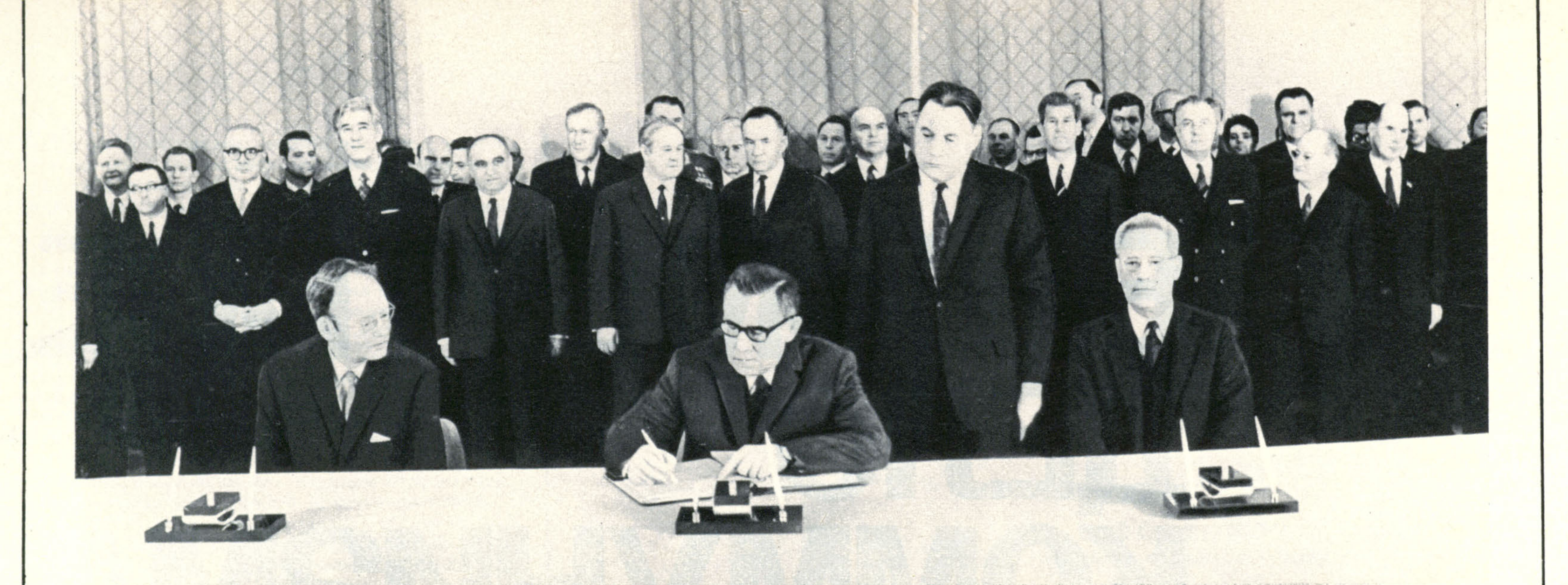
Лесисто-болотистая местность, глубокие снега, скрывающие валуны и топи, сильные морозы и метели, скованные льдом реки и незамерзшие озера затрудняли действия войск и требовали специальных мер по подготовке техники, оружия, экипировки, проведения больших инженерных работ. Сжатые сроки, отведенные для выполнения поставленных задач, мгновенные изменения боевой обстановки, быстрые переходы от одной формы боя к другой обусловили необходимость четкой, до предела выверенной организации взаимодействия всех родов войск и видов оружия и высокой маневренности подразделений и частей. А все это вместе взятое потребовало огромного напряжения духовных и физических сил воинов.

Но и в этой очень сложной обстановке войска показали прекрасную выучку, высокое воинское мастерство, крепкую физическую и психологическую закалку.

Советский воин всегда готов совершить подвиг в любую минуту, не жалея крови и жизни выполнить приказ Родины и партии. И сейчас, в мирные дни, наши воины совершили немало опасных, связанных с огромным риском героических дел. Расскажу об одном из них. В августе прошлого года под Оршей, у деревни Шалашино, были обнаружены сорок шесть минных колодцев с фугасами, которыми гитлеровцы намеревались взорвать автостраду. Чтобы предотвратить беду, требовалось срочно обезвредить десять тонн взрывчатки. На это опасное задание пошли десять отважных саперов под командованием старшего лейтенанта коммуниста Дмитрия Шкуропато. Работать им пришлось в исключительно трудных условиях — по колено в болоте, ощупью отыскивать заряды и запальные устройства. Стоило любому из этих десяти героев совершить неверное движение, поспешить, просто вздрогнуть — взрыв и гибель ждали всех. Но саперы не совершили ни единой ошибки, каждая из которых могла бы стать роковой. Ведь не зря говорят, что сапер ходит по лезвию ножа и ошибается он в жизни всего лишь один раз.

Стоит ли говорить, каких точных знаний, собранности, присутствия духа, храбрости, дисциплинированности потребовала эта героическая работа!

Подвиги в нашей армии можно считать сотнями и тысячами. Мужество, беззаветная храбрость, подлинный героизм — неотъемлемые качества современного советского воина — достойного наследника неувядаемой боевой славы отцов и старших братьев, отстоявших Родину в огне жесточайших сражений. Он свято оберегает и приумножает славные традиции героев революции, гражданской и Отечественной войн. Он непоколебимо верен воинской присяге. Присяге, которая наряду с пробитыми осколками и пулями боевыми знаменами несет службу в строю Вооруженных Сил СССР, готовых по зову партии в любой момент встать на защиту рубежей великого социалистического содружества.

В ИНТЕРЕСАХ МИРА

11 февраля 1971 года. Дом приемов в Москве. Присутствуют государственные деятели Советского Союза и других стран, представители дипломатического корпуса, советские и иностранные журналисты. Все готово к акту подписания Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения.

10 часов. Первыми подписывают договор представители стран-депозитариев: министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, посол Великобритании в Советском Союзе сэр Данкен А. Вильсон, посол Соединенных Штатов Америки в Советском Союзе Джекоб Д. Бим.

После подписания договора к присутствующим с речью обращается Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Он говорит, что подписываемый договор призван воспрепятствовать размещению на морском дне наиболее опасных видов оружия. А. Н. Косыгин отметил, что Договор о морском дне, налагающий ограничения прежде всего на ядерные державы, исходит из интересов обеспечения безопасности всех стран и народов.

А. Н. Косыгин подчеркнул, что Советский Союз вместе с другими социалистическими странами ведет настойчивую борьбу против гонки вооружений, за запрещение ядерного, химического и бактериологического оружия, за ликвидацию иностранных военных баз, за решение других вопросов разоружения.

Что касается Советского правительства, то оно, заявил А. Н. Косыгин, и впредь не пожалеет усилий для нахождения решений неотложных вопросов, связанных с прекращением гонки вооружений и разоружением.

Выступление А. Н. Косыгина было выслушано с большим вниманием и встречено аплодисментами присутствующих.

Ставят свои подписи представители других стран-участниц. Среди первых подписываются прибывшие в Москву министры иностранных дел Польши, Чехословакии, ГДР, Болгарии, Венгрии, Румынии, заместитель министра иностранных дел МНР. Один за другим к столу для подписания договора подходят послы других стран. В первый день скрепили своими подписями текст договора представители 40 государств.

На снимке:
Подписание Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. Договор подписывает министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Фото М. Савина.

С ДУМОЙ О БУДУЩЕМ, ДАЛЕКОМ И БЛИЗКОМ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Валентин АЛЕКСАНДРОВ

С тех пор, как Юрий Гагарин сделал космический виток вокруг Земли, наша планета в целом стала зримей, более понятной для восприятия ее физического существа. Именно земные интересы вдохновляют советских людей на разгадки таинственного за пределами земного притяжения. Одна часть достигнутого и разведанного утилизируется сегодня, другая, не менее важная, представляет задел на будущее.

Такой подход присутствует не только в научных или технических изысканиях, но и в сфере политических отношений при социализме. Он отражает тот очевидный факт, что внимание социалистических государственных и общественных институтов сосредоточено на интересах человека, интересах народных масс, которые рассматриваются с позиций нынешних и будущих запросов и возможностей их удовлетворить.

Об этом красноречиво свидетельствует внутренняя политика КПСС, нашедшая яркое проявление в реализации решений XXIII съезда партии, в тех планах, с которыми партия идет к своему XXIV съезду, в проекте Директив на новую пятилетку. Об этом свидетельствует и внешняя политика Советского Союза, обозначившая путь между двумя съездами партии большими успехами в укреплении мира и международной безопасности.

В центре внешней политики нашей страны, ее Коммунистической партии, Советской власти постоянно находится забота о том, чтобы небо над землей не заволакивали тучи войны, чтобы барометры политической погоды выявляли тенденции к разрядке и сотрудничеству, чтобы климат международной жизни способствовал достижению целей нашей борьбы за коммунизм и свободу народов.

Недавно десятки полномочных представителей скрепили подписями обязательства своих государств не размещать на дне океанов и морей, в его недрах ядерное оружие, другие виды оружия массового уничтожения. Этот договор отвечает актуальным задачам борьбы за мир и разоружение.

Политика нашей страны, других стран социализма обеспечила значительное продвижение вперед и в другой важной области международных отношений — в укреплении мира в Европе. Подписанные в прошлом году Советским Союзом и Польской Народной Республикой договоры с Западной Германией внесли качественно новые моменты в политическую жизнь Европы. Они показали, что существует лишь один путь развития отношений между государствами — это путь принятия реальностей, уважения сложившихся границ, признания происшедших во многих европейских странах социальных преобразований. Оба договора со всей очевидностью показали бессмысленность и обреченность попыток реваншистских сил вернуть вчерашний день, отбросить вспять европейские народы, строящие социализм.

Сдвигам в этом вопросе в значительной мере способствовало единство действий стран мирового социализма. Такую же согласованную, полную глубокого интернационализма позицию страны Варшавского договора занимают и по другому современному аспекту проблемы европейской безопасности — в отношении созыва общеевропейского совещания государств. Подготовка к проведению такого совещания, работа по согласованию вопросов его повестки дня, круга участников превратились в постоянно действующий фактор европейской политической жизни.

За реализацию предложения о совещании выступают сейчас не только его авторы — участники Варшавского договора, но и другие страны, придерживающиеся той же точки зрения, что настало время согласованных усилий по превращению Европы в континент мира и международного сотрудничества.

Созыв общеевропейского совещания тормозится стремлением реакционных сил заморозить тенденцию к разрядке в Европе, помешать сотрудничеству стран на общеевропейской основе, сохранить в отношениях между Востоком и Западом ров, созданный еще политикой «холодной войны». Именно этими мотивами можно объяснить появление в официальных документах НАТО длинного перечня условий, от которых будто бы должен зависеть созыв общеевропейского совещания.

В столицах западноевропейских стран не скрывают, что морозильная установка Североатлантического пакта находится в Вашингтоне. Именно оттуда в европейскую политику идут холодные волны, при помощи которых империалисты хотели бы загубить на корню пробивающиеся ростки европейского сотрудничества.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов влияние заокеанской родни на страны НАТО. Но можно ли жить, оглядываясь на чужие интересы? Не рискованно ли пытаться идти вперед, повернув при этом голову назад?

Едва ли политика раболепного следования вашингтонским прихотям имеет перспективы в будущем. Не случайно на Западе Европы крепнут голоса с требованиями проявлять трезвость в политике, учитывать собственные нужды, потребности развития добрососедских связей между всеми странами континента.

Социалистические же страны, государства Варшавского договора, со своей стороны, с открытым сердцем идут навстречу общеевропейскому совещанию, рассматривая его не только как важный вклад в оздоровление нынешних международных отношений, но и как существенный фактор при строительстве Европы будущего. Об этом определенно и без обиняков говорят все документы коллективных мероприятий стран Варшавского договора. Каждая встреча, каждый шаг государств этого социалистического союза помогает разгребать завалы, созданные политикой напряженности, делает более ясной перспективу европейской безопасности.

В политических отношениях, как и в научных поисках, как в освоении космических высей или океанских глубин, настоящим ориентиром могут служить лишь перспективные цели. Именно их имеет в виду политика социализма.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

БРАТЬЯ ПО КЛАССУ О КПСС

БЕССМЕРТНОЕ ДЕЛО КОММУНИЗМА

Ш. А. ДАНГЕ,
Председатель
Национального совета
Компартии Индии

У меня нет сейчас времени, да, вероятно, никогда и не будет, чтобы писать мемуары. Но если бы такая книга увидела свет, читатель напрасно стал бы искать там мою биографию. Страницы истории национально-освободительного движения Индии, озаренные кострами антиколониальных выступлений, обагренные кровью друзей и соратников,—это подлинные страницы моей жизни. Вот почему, пытаясь определить сегодня место идеологии и опыта партии Ленина в борьбе Азии за национальный суверенитет и демократию, я невольно вношу в свои размышления много личного, как бы вычерчиваю диаграмму анализа по шкале прожитых лет.

Когда эхо октябрьского взрыва, свершившегося в России, донеслось до Индии, в стране уже поднялась волна народного протеста против засилья британской администрации. Но протест еще не принял форму вооруженных выступлений, он двигался по рельсам конституционализма и сводился к требованиям определенных уступок со стороны колониальных властей, в частности самоуправления.

Политическая жизнь была все еще парализована репрессиями, предшествовавшими началу первой мировой войны. Двери английских застенков захлопнулись за многими лидерами революционного крыла партии Индийский национальный конгресс, в том числе за одним из наиболее популярных — Тилаком. Патриотически настроенная молодежь моего поколения жонглировала идеями терроризма. Я помню, как на «тайных вечерях» нашей студенческой организации в бомбейском колледже Вильсона страстно, всерьез обсуждались пути помощи Германии и сокрушения британского империализма германским штыком.

Строка сухого телеграфного сообщения о революции в России, успешно совершенной партией большевиков, ее вождем Лениным, сразу стала незримой осью, которая дала направление нашей мятущейся мысли. И чем яростнее кромсали ножницы колониальной цензуры прессу, пытавшуюся между строк вставить слово о событиях за Гималаями, тем тщательнее, по крупицам, жадно собирали мы эти вести, из которых складывалась грандиозная картина завоеваний большевиков.

Рухнул царизм — двойник британского колониального режима, сметены в корзину истории русские капиталисты и помещики — близнецы наших фабрикантов и заминдаров. Эти свершения создавали в Индии атмосферу революционного подъема, мобилизовали нас на активные целенаправленные действия. Мы проводили рабочие сходки на текстильных фабриках Бомбея, где клеймили коллаборационизм противников Тилака — так называемых «либералов», пытались анализировать с позиции русской революции философские доктрины, произведения литературы и искусства. Словом, шел процесс нашего погружения в вулкан национальной патриотической политики, процесс познания, точнее, органического впитывания идеалов партии большевиков. И, естественно, когда выявилась несостоятельность философии Махатмы Ганди, которая не смогла реализовать на практике свои лозунги непротивления, мы уже знали, где искать решение.

Я рассказывал в советской прессе, как работали наши необычные «ленинские университеты» — университеты без учебников. Первыми читателями работ Ленина и книг по большевизму стали в Индии английские цензоры. Подвалы британской охранки накапливали прекрасные библиотечки партийной литературы, которая так и не увидела света. Колонизаторы пытались заглушить ленинское слово лязгом тюремных засовов. Молодой поэт, мой соратник, получил по году каторги за каждую из двадцати строк своего стихотворения, стихотворения, где упоминались большевики и русская революция. Его сослали на Андаманский архипелаг, откуда не было возврата.

Но книги с анализом практики и теории боевой русской партии исподволь просачивались в индийские демократические круги. Одну из них, во многом, конечно, незрелую, ученическую, написал я сам — «Ганди в сравнении с Лениным». В 1922 году в Бомбее мы наладили выпуск «Социалиста» — первого журнала, посвященного проблемам коммунистического движения.

Эти издания помогли индийским демократам прорвать блокаду колониализма и установить контакты с единомышленниками за рубежом. Дружеские симпатии и поддержку выразили нам американские социалисты, в том числе Эптон Синклер, укрепились связи по нелегальным каналам с ирландскими повстанцами, после знаменитой гонконгской стачки 1925 года стал слышен голос патриотов Китая, Индонезии. Сейчас, оглядываясь назад, очень важно вспомнить и понять, что именно посвящение в мир идей партии большевиков привело нас к познанию на практике необоримой силы одного из главных принципов ленинского учения — интернационализма.

Конечно, наш интернационализм еще не был пролетарским по своему характеру, так как это требовало бы более глубоких знаний марксизма-ленинизма и более высокой степени партийной организации, которыми мы в тот период не располагали. Нас привлекал в первую очередь антиколониальный аспект интернационализма. «Угнетенные народы, соединяйтесь!» — этот призыв на первых порах вдохновлял молодых индийских коммунистов на поиски соратников вне Индии, воспитывал чувство международной революционной солидарности. Но этот же призыв обнажил стальную логику ленинского учения. Мы спрашивали себя: почему колониальная система царизма была сметена с арены истории, а британский колониализм и не думает уступать свои позиции, продолжая разглагольствовать о парламентаризме и самоуправлении? Опора на какие социальные силы обеспечила победу партии большевиков? Так цементировался фундамент классового анализа, который постепенно возводил наш «ранний» интернационализм на высоту дорогого каждому коммунисту девиза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Огромный резонанс не только в Индии, но и среди демократических прогрессивных кругов многих стран Востока получили ленинские тезисы по национальному и колониальному вопросам, прозвучавшие с трибуны второго конгресса Коминтерна в 1920 году. Они содержали теоретические обобщения чрезвычайной важности, четко указывали, какие классы колониального общества являются подлинно революционными. Это обусловило тактику марксистских групп и коммунистических ячеек на азиатском континенте. Так, в Индии мы приступили к серьезной, осмысленной работе в профсоюзах. Создание сплоченных организаций пролетариата сочеталось с пропагандой лозунга о союзе рабочего класса с крестьянством. И не случайно беседы в жарких, пропитанных влажной пылью цехах текстильных фабрик, беседы о социализме мы иллюстрировали завоеваниями партии Ленина.

Летом 1928 года ткацкие станки Бомбея стали на шесть месяцев: началась крупнейшая забастовка городского пролетариата. И шесть месяцев дважды в день собирались на гигантские митинги 10—12 тысяч ткачей. Надо было видеть, как эти люди, оставшиеся без работы, без последней ани (мелкая монета.— Прим. ред.), затаив дыхание слушали рассказы партийных вожаков о России. Как русские рабочие и крестьяне стали у кормила государства, почему большевики национализировали фабрики и заводы, как распределяются фабричные доходы — это и многое другое служило темой для наших импровизированных лекций. У нас были даже свои усатые стенографистки — полицейские агенты, прикрывавшиеся черными зонтами — не от солнца, от обжигающих взглядов бомбейских ткачей.

Годом позже все наши лекции фигурировали как обвинительный материал, когда я и мои товарищи сели на скамью подсудимых по процессу так называемых «мирутских заговорщиков». Прокурор-англичанин с треском бросил тяжелые папки на стол. «Эти джентльмены,— указал он на нас,— пытались свергнуть британский порядок, установить советский режим и создать общество советского типа. Здесь, в досье, вся религия большевизма, которую они исповедуют...»

«Большевизм» — термин, включавший в себя идеологию и практику партии Ленина, наводил на англичан панический страх. Ведь рядового индийца привлекала в большевизме прежде всего его антиимпериалистическая направленность. В Индии острие ленинской доктрины было нацелено прямо в сердце британского раджи. Чувствуя это, колонизаторы забивали страницы национальной прессы измышлениями о грядущем «десанте коммунистов через Гималаи», запугивали правоверных индусов мифами о «красных безбожниках». Но даже в опутанной религиозной паутиной Индии никто не попадался на этот крючок британской пропаганды.

Вера в справедливый и глубоко народный характер государства, созданного коммунистами в России, была настолько сильна, что подобная ложь порой оборачивалась против ее

авторов. В подшивках индийских газет конца тридцатых годов можно найти подтверждение классическому в этом смысле эпизоду. Рупоры английской администрации надсадно трубили тогда о так называемой «оккупации» Советским Союзом Польши. В индийской житнице — северном штате Пенджаб, куда новости из Европы просачивались сравнительно быстро, распространение фальшивки сопровождалось неожиданными для колониальных властей слухами. В деревнях заговорили, что Советская Армия помогла изгнать польских помещиков-мироедов, каждому крестьянскому двору выдано по пять акров земли и по упряжке волов. В пенджабских деревенских общинах начались волнения. Индийцы всерьез требовали пригласить красные войска для немедленной «оккупации» Пенджаба. Призыв крестьянских советов-«панчаятов» приобрел такую популярность, что английскому правительству пришлось заняться срочными опровержениями «подрывных» слухов. Но чем назойливее были опровержения, тем больше люди верили, тем чаще обращались в мыслях к Стране Советов.

Правда о принципах, которые определяли отношения Советского Союза, его Коммунистической партии с другими странами, находила путь даже в тот герметизированный сосуд, каким была тогда наша страна. Прогрессивные индийцы с симпатией следили, например, за успехами молодой советской дипломатии в Кабуле, где она оказывала поддержку режиму Аманулла-хана, пытавшегося прорвать опутавшие Афганистан сети британского империализма. Мое поколение хорошо помнит, какой взрыв энтузиазма вызвали у индийцев слова советского представителя в ООН в канун событий 1947 года о том, что советские люди надеются увидеть Индию независимой. Наконец, в 1961 году Советский Союз первым одобрил акцию правительства Неру, которое ввело войска в Гоа, вырвав у португальских колонизаторов исконную территорию Индии. Уже эти несколько примеров убеждают, что партия Ленина и основанное им государство продолжали оказывать дружескую международную поддержку не только национально-освободительным движениям Востока, но и молодым азиатским странам, только что перешагнувшим рубеж независимости.

Хотя Индия миновала этот рубеж более 20 лет назад, накал борьбы, которую ведут силы прогресса с правыми группировками и ставленниками монополий, не спадает. В эти дни в стране сложилась напряженная «взрывоопасная» политическая обстановка. 26 февраля — 4 марта миллионы индийцев пойдут к избирательным урнам, чтобы подать голос на досрочных выборах в народную палату парламента. Пестрый, наспех сколоченный фронт реакции из четырех партий свел свою программу к лозунгам антикоммунизма и антисоветизма. Правительству Индиры Ганди брошено два ложных обвинения: страна, истерично твердят демагоги реакции, низведена до положения «сателлита» Советского Союза, а сама правящая партия «смыкается» с индийскими коммунистами.

Здравомыслящие индийцы накопили достаточный опыт, чтобы понять ту логику бессилия, которая стоит за этой фразеологией. Широко известно, что стратегически важные для национальной экономики предприятия созданы в Индии при братской помощи и сотрудничестве Советского Союза. Государственный сектор теснит монополистический капитал на обочину. Поэтому политические силы, пытающиеся в интересах монополий затормозить прогрессивные социальные процессы, вынуждены атаковать любое правительство, если оно принимает экономическую помощь Советского Союза.

В эти решающие для судеб Индии дни авангард индийских трудящихся все чаще обращается к основам учения, разработанного Лениным и его партией. Ведь путь индийца к избирательному участку буквально вымощен сейчас псевдосоциалистическими лозунгами. О «социализме» толкуют боссы отколовшегося от правящей партии «синдиката», отыскали свой «тип социализма» — «социализм Израиля»! — и религиозные шовинисты из «Джан сангх». И только обращение к ленинскому учению помогает левым силам Индии выступить с четким анализом этих ухищрений реакции.

Знаменательно: от исторических воспоминаний мы легко перекинули сейчас мостик к фактам сегодняшнего дня. Бессмертная поэма коммунизма, которую не смогла задушить британская каторга, вывела нас на улицу Бомбея двадцатых годов. Она звучит в наших сердцах и поныне.

(Дели, АПН).

ГРЕКОВЦЫ

Е. ВОСТОКОВ,
кандидат исторических наук,
генерал-майор

Боевой коллектив военных художников Студии имени М. Б. Грекова на редкость своеобразный. Основа его плодотворного творчества и постоянных успехов на отечественных и зарубежных выставках заключается в объединении отряда талантливых советских мастеров изобразительного искусства вокруг благородной военно-патриотической темы.

Мы входим в просторный зал нового здания студии, где открыта выставка произведений грековцев. Нас встречают полотна основателя советской батальной живописи Митрофана Борисовича Грекова. Мы всматриваемся в три небольшие картины грековской кисти — «Ночная разведка», «Чертов мост» и «Пленный». Какие свежие краски, насколько проста и предельно закончена композиция! Дух героизма буденновцев, вдохновивших художника, жар боев за молодую республику обжигают нас и сейчас. Именно перед этими картинами мы особенно остро чувствуем плодотворность эстафеты революционной романтики, без которой трудно представить себе возвышенный воинский подвиг.

В память о замечательном советском баталисте и для продолжения традиций искусства огневых лет гражданской войны и была основана студия. Вначале лишь как изомастерская самодеятельного красноармейского искусства. Студии было присвоено имя М. Б. Грекова. Здесь занимались художники-красноармейцы в свободное от службы время. В состав художественного совета студии вошли А. М. Герасимов, Г. К. Савицкий, а позднее — П. П. Соколов-Скаля, М. И. Авилов и другие. Выдающиеся мастера советского изобразительного искусства активно помогали студии с ее первых шагов.

Картины ветеранов студии на выставке — К. Китайки, П. Кривоногова, И. Евстигнеева — напоминают нам о том, как в годы Великой Отечественной войны развивались замечательные традиции Грекова.

Образ комиссара Брестской крепости... Кривоногов воплотил в нем черты непреклонности и мужества большевика с такой силой, что этот холст воспринимается зрителем как созданный искусством памятник подвигу героев Бреста. Видимо, поэтому около этой картины живые цветы.

Есть у грековцев прекрасные традиции. В дни открытых дверей художники принимают у себя рабочих, молодежь, воинов, советуются с ними, показывая гостям эскизы к будущим картинам и скульптурам, этюды, привезенные из командировок в войска. А по четвергам огни в здании Дома военного художника горят особенно долго. Идет обсуждение художниками вновь созданных произведений, товарищеская критика. Вот и сегодня очередной творческий четверг. Но художники-грековцы особенно взволнованы: ведь разговор идет у картин и скульптур, графических работ, создаваемых коллективом к XXIV съезду КПСС, осмысливаются итоги работы в юбилейном 1970 году, намечаются планы на будущее.

Очень отрадно, что взят новый рубеж в развитии Ленинианы, глубже отражена роль партии в создании Вооруженных Сил пролетариата для выполнения великой освободительной миссии и защиты мира и безопасности народов. Пример тому — прежде всего ряд новых графических листов народного художника СССР полковника Н. Н. Жукова, художественного руководителя студии, и созданная им в содружестве с писателем В. Осиповым книга-альбом «Владимир Ильич Ленин». Эти работы свидетельствуют о плодотворном, все более полном и глубоком отражении художником великой жизни вождя, каждый день которой был подвигом.

В удачной по композиции картине «Октябрь» А. Алексеев осуществил смелую и удавшуюся попытку выразить силу ленинских идей, когда они овладевают массами рабочих, солдат, крестьян, идущих в бой за дело рабочего класса. Мы всматриваемся в образы живых, достоверных, близких нам людей, которых провожает на фронт В. И. Ленин, стоящий со своими соратниками на ступенях Смольного за шеренгами красноармейцев, и как бы слышим ленинские слова: «...Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться».

На X съезде Венгерской социалистической рабочей партии товарищ Л. И. Брежнев вручил от имени ЦК КПСС венгерским коммунистам новую картину грековца В. Кузнецова «Да здравствует Революция!». На этом полотне запечатлен Ленин, произносящий свою знаменитую

ГРЕКОВЦЫ

речь на Красной площади. Рядом с Владимиром Ильичем стоит Тибор Самуэли, представляющий на параде Всевобуча революционную Венгрию.

Сила интернационализма ленинского учения, воплощение его в боевом братстве народов и армий социалистических стран — одна из магистральных тем в творчестве грековцев. Новые работы живописца Н. Бута и скульптора В. Сонина рассказывают о боевом содружестве советских воинов и воинов чехословацкой Народной армии.

Проблема войны и мира — самая жгучая проблема современности. Наш художник обязан сказать здесь свое яркое и четкое слово. И грековцы его говорят, разоблачая в своих произведениях агрессивные действия американских империалистов во Вьетнаме. Длительное время в войсках героического народа, борющегося с ненавистным врагом, были художники студии. И теперь в многочисленных произведениях, созданных М. Самсоновым и В. Переяславцем на основе собранного во Вьетнаме, на местах боев материала, предстают перед нами на выставке образы мужественных героев вьетнамской эпопеи.

Советский художник-патриот обязан также отобразить на своих полотнах силу, способную обеспечить мир, обуздать агрессоров. Такой силой являются Советская Армия и армии братских социалистических стран. И поэтому глубокое повседневное изучение роста боевого могущества нашего государства, наших современных Вооруженных Сил, изучение изменений в их жизни, учебе, в боевых действиях, процесса научно-технической революции и как следствие всего этого изменений в людях и отображение этих изменений — едва ли не самое обширное поле творческой деятельности художников студии. Они участвуют в учениях, маневрах, постоянно общаются с воинами всех видов и родов войск. В результате каждый из грековцев, пристально всматриваясь в лица «воюющих» на учебных полях или морских просторах моряков, танкистов, летчиков, артиллеристов, решает сложнейшую задачу искусства — передать те новые приметы и черты, которых ранее не имела армия. Именно в них открывает пытливый глаз военного художника облик современных, как никогда могучих Советских Вооруженных Сил 1970-х годов.

Быть военным художником — надо быть им всегда, каждый день наблюдая и изучая жизнь армии, жизнь солдата. Только тогда и в картине появятся та правда жизни и такое художественное обобщение, которым веришь.

Эта правда есть в картинах Н. Овечкина, посвященных «рыцарям неба», доблестным летчикам, инженерам, техникам.

Сколько раз с блокнотом и этюдником гостил у моряков, как в своей родной семье, Н. Денисов, давно уже «прикипевший» к морю, к стальным гигантам — крейсерам и подводным лодкам. С необычайно смелым и впечатляющим порывом воспроизведен на его полотне современный крейсер, плывущий в бурных волнах, представший перед художником во время самого крупного в истории нашего флота учения «Океан». Своими глазами увидеть такое не каждому художнику посчастливится!

Мастер мирного пейзажа В. Дмитриевский, чьи полотна наполнены созерцанием просыпающейся природы, уже не впервые вводит в пейзаж баталию.

«Везде пройдут»... Тяжелые стальные танки с легкостью быстроходных амфибий проходят по дну рек, преодолевают водные преграды. Машины органично вписаны в пейзаж.

Любовь к военной профессии советского солдата мира — вот что развивают у нашей молодежи произведения грековцев. Какие они, ракетчики, эти представители нового вида войск? Или летчики-перехватчики, испытатели новых машин? Чтобы рассказать об этом в своих полотнах, художники-грековцы В. Сибирский, С. Антонов, Н. Соломин, В. Переяславец обязаны были знать и новую боевую технику и маневр в условиях современного боя, но прежде всего им нужно было пристально всматриваться в воинов, которые стали в наши дни совсем иными, чем, например, герои М. Б. Грекова. Около могучей техники стоят сегодня люди с большим запасом знаний, представляющие новую военную культуру социалистической армии. Над тем, чтобы воплотить черты этого нового образа, черты нашего современника — человека с оружием в крепких руках,— упорно работают такие художники студии, как П. Жигимонт, В. Щербаков, Г. Постников.

Сейчас многие, пожалуй, большинство не только солдат и матросов, но и командиров и политработников Советской Армии не были участниками войны, не прошли ее боевой, поучительной школы. И потому особое значение имеют усилия военных историков и писателей, мемуаристов и художников по продолжению работы над созданием летописи Великой Отечественной войны.

Новыми интересными страницами этой летописи, на мой взгляд, явятся талантливые картины — «Проводы» А. Алексеева, «В бой — коммунистом!» Е. Данилевского.

«Проводы»... Мы вместе с автором как бы вновь переживаем 1941 год. Тема, получившая на этот раз очень точное свое выражение. В массе людей, глубоко потрясенных бедствием войны, образы воина, его отца — пожилого рабочего и матери дышат целеустремленностью к победе. Горе и мужество соединяются здесь так же органично, как это было в нашем народе в те памятные дни. И как бы продолжением этой темы служит вторая картина — прием в ряды Коммунистической партии одного из героев боя в Сталинграде, в цехе завода «Красный Октябрь». Вступление в эти годы в партию солдата — рабочего войны являло собой одно из конкретных выражений великой силы нашей партии, сумевшей сплотить советских людей и привести народ к победе над фашизмом. Есть несколько хороших картин на этот сюжет, но бесспорно, что в данном случае художник сумел подняться в этой благородной теме до более глубокого обобщения.

Хочется сказать и о новых путях в решении батальной темы через отображение эпопеи Великой Отечественной войны, которыми идут сейчас грековцы. Военные художники пытаются наряду с раскрытием существа подвига героя — солдата или полководца — выявить особенности именно социалистической армии, проявившиеся в боях за Родину, показать силу войскового товарищества, основанного на классовой однородности армии, роль воинского коллектива, в котором действует великая сила советской морали.

Формы художественного изображения войны в искусстве грековцев, конечно, тоже претерпевают изменения. Монументальность, необыкновенность и обыкновенность советского героизма, поиски новых возможностей в сочетании масштабности боевых действий с передачей индивидуальных, запоминающихся характеров их отдельных участников... В достижении всего этого очень помогают сейчас грековцам фронтовые этюды, натурные зарисовки. В студии хранятся крупинки этого большого фронтового багажа художников-баталистов. Карандашные и акварельные наброски, сделанные на поле боя Н. Жуковым, Г. Прокопинским, П. Кривоноговым, Ф. Усыпенко, И. Евстигнеевым,— это уже история! Но эти бесценные художественные документы всегда становятся источником новых композиций, не говоря уже о той помощи, которую черпают здесь художники, когда им нужно бывает достоверно передать детали фронтового быта.

...Рисунок на блокнотном листке, сделанный рукой пулеметчика-грековца И. Евстигнеева, станковая картина «Курская битва» П. Кривоногова, ставшая хрестоматийной, скульптурный портрет героя боев, диорама, монументальная мозаика — вот каков у студии диапазон в передаче событий и людей войны!

Грековцы видят одну из своих главных творческих задач в создании панорам. Этот вид монументальной формы, подобно натурным экспозициям музеев на месте боев с воспроизведением траншей и командных пунктов, дает возможность зрителю почувствовать почти в полном объеме и динамике сражение, его накал и пульс. Осматривая панораму, вы становитесь как бы участником события. Сейчас грековцы заняты подготовкой первой советской панорамы «Сталинградская битва». Художники мечтают преумножить успех Рубо в его знаменитых панорамах «Оборона Севастополя» и «Бородинская битва». М. Самсонов создал значительную по своим размерам и едва ли не лучшую диораму «Штурм крепости Очаков русскими войсками в 1788 году». Она открыта в конце прошлого года в Очаковском краеведческом музее и является значительным вкладом искусства в пропаганду героической истории города Очакова. Ведь не надо забывать, что патриотизм начинается с любви к родному городу, селу, краю. И художник приходит на помощь важному делу «складывания» истории советских городов-солдат, неприступных для врагов крепостей, которые поднимаются над картой нашей Родины как вехи ее боевой славы.

Новые страницы героизма в минувшую войну открывает перед нами созданная одним из ветеранов студии, народным художником РСФСР П. Мальцевым, совместно с живописцем Н. Присекиным диорама «Воздушный десант под Вязьмой в 1942 году». Воспроизведен на ней один из первых примеров применения в войну сложной формы боя, которая впоследствии привела к созданию нового вида войск — воздушно-десантных.

Н. Бут, продолжая портретную галерею героев Севастополя и Новороссийска, порадовал нас глубиной проникновения в души солдатские. Его картины «Письмо маме» и «Медсестра Наташа» — результат тонкого наблюдения драгоценных подробностей сурового быта военной поры. Жанровая лирическая сцена в картине «Письмо маме» показывает, насколько важно для нашей военной живописи создавать полноценные портретные характеристики.

...Художник любит этого обаятельного паренька, склонившегося над письмом, он сопереживает с ним чувство сыновней любви к матери. Рамки жанровой сцены раздвигаются, происходит как бы развитие, углубление сюжета. Перед вами встает образ труженицы деревни, живущей всем сердцем в эти мгновения с солдатской семьей. Картина светится чистотой душевных чувств художника и его героев. И за это вы благодарны ему. Он сказал доброе слово, возвысив в глазах своих современников тех, кто не щадил своей жизни тогда, в войну.

Г. Прокопинский, сам участник войны, тяжело раненный в боях под Москвой, свою потребность поведать молодежи о том, какие люди вынесли на своих плечах тяжесть войны, оставшись гуманистами, выразил в картинах, интересных по своему образному решению и колориту,— «Между атаками» и «Отец».

Можно было бы рассказать еще и о диораме Е. Данилевского и М. Ананьева «Вооруженное восстание в Перми в 1905 году», и о первых удачах грековцев-новичков, и о многих других работах, но нам хотелось бы пригласить читателей в студию посмотреть последние произведения ее талантливого коллектива. Встреча с искусством последователей М. Б. Грекова всякий раз убеждает в том, что оно отмечено незаурядными способностями и согрето пламенем советского патриотизма.

Е. Данилевский. В БОЙ — КОММУНИСТОМ!

Н. Бут. ПИСЬМО МАМЕ.

Анатолий ЗЕМЛЯНСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок С. БРОДСКОГО.

Ливень

...В мазанке и без того уже было людно, а дверь то и дело распахивалась вновь. После утреннего боя с почти двухчасовым лежанием на талом снегу люди забывали даже про еду и жаждали тепла. Входили молча, выбирали где-либо местечко, пристраивались, закуривали. От людского дыхания и дыма в хате стало душно. Кто-то уже ворчал: мол, одна, что ли, крыша во всем селе... А потом и хозяйка, в летах, но моложавая женщина, крикнула из самого дальнего угла, где сидела все время отрешенно и молчаливо:

— Рази ж так можно? Напхались в хату, будто тоби на свадьбу.

А дверь, как назло, опять открылась. И все увидели возле порога невысокого, с посиневшим небритым лицом мужчину, всем видом своим заморенного, в худой-прехудой шинелишке и такой же донельзя выцветшей солдатской папахе.

Вошедшего никто не знал, и, наверное, потому все молчали, разглядывая нового человека. А он в ответ на всеобщее внимание улыбнулся. И, казалось, не губами улыбнулся, а лишь одной правой щекой, которая не то порывисто дернулась, не то вздулась, после чего в уголке рта блеснули зубы.

— Здравствуйте,— сказал вошедший, снимая с плеча тощую и длинную, как пустой рукав, котомку.

И по тому, как странно он улыбнулся, как произнес слова, все поняли, что незнакомец до костей продрог. Сидевшие поблизости от двери ухитрились потесниться на соломе, кто-то простудно выкрикнул:

— Сидай, человече!

Но вошедший сел не сразу. Оглядев всех из-под насунутой почти на самые брови папахи, спросил:

— Кто тут старшой? Ситников то есть?

Все головы повернулись в одну сторону, кто-то остерегающе поднял кверху руку.

— Спит.

— Пускай спит,— отозвались тотчас сочувственно.

Тот, что поднял руку, уточнил:

— Трое суток не спал он у нас. После разведки опять стыкнулись с проклятой бандой.

А от другой стены стрельнуло замысловатым вопросом к вошедшему:

— А твоя личность какого, сказывай, значения?

И пришлось незнакомцу рассказывать о себе не одному «старшому», а всем, кто захотел слушать. Отогреваясь, люди становились словоохотливыми и допытчивыми. Одних, правда, одолевал сон, у других верх брало любопытство, сквозь плававшую паутину дыма нетерпеливо поблескивали глаза, прояснились лица.

За маленькими окнами мазанки становилось совсем светло. Нежданно в печную заслонку уперся розоватый луч солнца — первый февральский день лютого тысяча девятьсот девятнадцатого начинался оттепелью. Новичок рассказывал складно, слово будто прилипало к слову, а где выходила заминка, помогали гуртом: кто — сдержанным смешком, кто — шуткой.

— Воевал ли? Дай боже! С самого четырнадцатого. Два Георгия!

— До полного кавалера не допер, значит?

— Допер. Только награды вручал германец. Осколок и пулю.

— Видать, папаша с мамашей крепехонько тебя склепали?

— Да не так чтобы... По чистой списан я. Пуля в легком.

— Какой же бес тебя снова погнал?

— Никто не гнал, сам пошел. Месяц с хвостиком дома отсидел после госпиталя, да вижу: нельзя боле. Там — генералы, там — атаманы. Стыдно вроде... Я тут неподалеку силенок набирался. У родни. Тридцать пять верст отсюдова... Третьего дня про отряд ваш узнал. Ну и... вот... решил помочь.

— Помощничек...— протянул кто-то насмешливо.

— Да уж не хвастаюсь. Такой вот, не взыщите. Однако ж с винтовкой управляюсь.

— У командира был?

— Только от него. Он меня сюда и направил...

— Ну, а это самое... Какого мы полку, знаешь?

— А то как же! Таращанского.

— Во-во. А дивизии Щорсовской. Слыхал?

— Наслышан.

— Во-во.

В голосах и во взглядах вроде шутливость, а на самом деле рады люди. Одобрительно кивают, удовлетворенно поглаживают усы. Даже отпетые остряки не спешили с подковырками. Только когда до имени дошло и новичок сказал попросту: «Исидором Пятнышкиным величаюсь»,— один насмешник прыснул-таки в кулак, переспросил, делая паузы после каждого «и»:

— И... сидор и... еще что?

В хате хохотнули. Новичок не растерялся:

— А еще то, чего тебе бог не послал.

— Ха-ха-ха...

— От-т який бойкий...

— Хват хлопец...

На том насмешки и кончились. А с ними и первое знакомство таращанцев с Исидором Пятнышкиным.

И, может, после этого надолго оставили бы его в покое и пошло б между ними и остальными бойцами обычное солдатское житье, если б не надумал Исидор переобуться. С одним сапогом он справился мигом, снял и натянул сидя, а второй заартачился, в подъеме жестковат был. Пришлось встать и, натягивая голенище, ударить раз десяток подошвой о землю. Сапог налез-таки на ногу, но в эту самую минуту что-то мягкое, завернутое в тряпочку, упало из-за отворота шинели на пол.

Пятнышкин тяжело дышал: нелегко дался ему проклятый сапог. Да и дырявлен, видать, бывал солдат по первому сорту. Стоит — грудь и плечи то поднимутся, то опустятся, а наклониться за узелком не спешит. Но смотрит на него, глаз не сводя. На лице не то растерянность, не то смущение. И та же, в одну щеку, улыбка. Только совсем невеселая, беспомощная.

Тут кто-то вспомнил о пуле в его легком, потянулся за сверточком, подал Исидору. Было это что-то плоское и продолговатое, тот, кто подавал, обронил в шутку, но и с любопытством:

— Аль деньжищ столько при самом сердце носишь?

Исидор еще больше смутился:

— Да нет. Тут... это... рисую я малость. Ну и вот... блокнотик таскаю с собой.

— Рисуешь? А ты покажи.

Исидор держал спеленатый заношенной тряпочкой сверток у самой груди, готовый сунуть его обратно, за шинель, а при этих словах вдруг опустил руку, растерянно оглядел окруживших его красноармейцев.

— Показать?— переспросил Исидор. И вряд ли сам знал, зачем переспрашивал. Может быть, больше затем, чтобы убедиться: не ослышался ли?

Нет, не ослышался. К тому, кто высказал просьбу первым, присоединились другие:

— Покажь, коли то не потайное для тебя...

— И ежели не взрывается,— донеслось дружелюбное, со смешком, от дальней стены...

Исидор, покорно качнув плечами, начал развертывать тряпочку.

За окном разъяснилось уже вовсю, день набирал силы, все больше высветляя и мазанку. Заблестел позолотой угол с иконами, прояснились стены, солома на полу, печная заслонка. На всем невидимо лежало солнце.

Пальцы у Пятнышкина были длинные и проворные, все нетерпеливо смотрели на них. И в эту минуту то ли сквозь окно, то ли через неплотно прикрытую дверь в хату проник цокающий говорок капели.

Цвень-звень... Цвень-звень-цвэк...

И от внезапно наступившей тишины, а может, от говорка капели очнулись дремавшие.

Развернув тряпочку, Исидор бережно сложил ее и сунул в карман. А в другой его руке все увидели пухлый, с рисунчатым корешком блокнот. Края его обложки были уже заметно поистерты, но узенькие золоченые линейки, квадратно окаймлявшие замысловатую и тоже золоченую вязь каких-то букв, наверное, фамильных обозначений, еще угадывались четко.

— Богатая вещица...

— Откедовай-та она у тебя?

Исидор, ничего не слыша, присел на корточки и раскрыл блокнот. Красноармейцы потянулись к нему, окружили.

Исидор бережно взял за уголок первую, совсем чистую страничку, перевернул, и с оборотной ее стороны глянул на всех собравшихся какой-то человек: схваченное карандашным штрихом лицо, не выписанное до конца, но уже зримое, невольно притягивающее к себе...

— Та хто ж цэ такой?
Лохматая, с малиновой заплатой сверху шапка низко наклонилась над рисунком. На нее цыкнули:
— Ващеня, один хочешь глядеть?
Шапка отодвинулась. Пятнышкин поднял страничку повыше. И в тишине опять: цвень-звень...
Все пристально и деловито разглядывали карандашный рисунок. Отводили глаза от блокнотного листка, поглядывали друг на друга, вскидывая при этом брови, пожимая плечами, мол: «Знаешь?» «Не знаю». «И я тоже».
Молчал и Пятнышкин. Папаха на затылке, из-под нее на лоб — густые русые завитки. Иные — до самых бровей. А под бровями, тоже русыми и густыми,— затаившие беспокойство глаза. Серые, переполненные ожиданием: «Узнают или не узнают?»
Он как-то и не подумал, что нельзя узнать человека да еще по рисунку, если не довелось видеть его хотя бы на портрете. И все же Исидор ждал. Ждал молча, нетерпеливо и напряженно. И, наверное, это его молчание, переполненное волнением и надеждой, разбудило в чьем-то сознании догадку. Робкую, неуверенную, приглушенную догадку. Точно такую, каким был голос, высказавший ее:
— Мо быть, Ленин? А?..
Слово прошелестело в тишине, как листок под первым дуновением ветра. Неведомо из чего и рождается такой полушорох, такой прерывистый полузвук, который если и громче тишины, то совсем ненамного.
Высказал догадку один, а копошилась, видно, она у многих, потому что выплеснулась вдруг тем же самым словом сразу в несколько голосов:
— Ленин?
— Ленин!
— Ленин?!
Даже сквозь табачный дым было заметно, как посветлели и смягчились лица.
— Ленин?— спросила вдруг и хозяйка, сильно наклоняясь к блокноту.
— Ленин,— радостно и как-то совсем просто подтвердил Пятнышкин.
— Сам рисовал?
— Сам.
— А похож?
Вместо ответа Исидор перелистнул следующие две странички и опять повернул блокнот так, чтобы все увидели еще один портрет.
— Это я вырезал из газеты,— сказал Исидор.
— А где взял?
— Да в Москве ж.
— Ты в Москве бывал?
— Бывал.
— И Ленина, скажешь, бачив? — настороженно поднял брови тот, кого назвали Ващеней.
— Видал,— спокойно ответил Пятнышкин.
— Так я и знав,— уже с нескрываемой насмешливостью сказал Ващеня. Брови у него поднялись еще выше, и он, кольнув Пятнышкина неодобрительным взглядом, вдруг провозгласил, как открытие: — Хлопци, та вин же все врет.
Бойцы, как по команде, уставились на Пятнышкина: что скажет на это сам художник?
Пятнышкин в растерянности откинулся всем телом, глаза его потемнели, будто вмиг запали еще глубже.
— Не верите?
Все молчали.
— Да если хотите знать...— Пятнышкин стал торопливо листать блокнот, руки у него дрожали, нервно теребя каждый листок, и потому не находили нужный.— Если хотите знать,— повторил он,— так вот этот портрет... вот... этот... я делал, глядя на Ленина...
— На настоящего?
— На самого настоящего.
— От-т же залывае,— крякнул Ващеня.
Пятнышкин открыл наконец нужную страничку и, подняв над головой у себя блокнот, почти выкрикнул:
— Вот. Пожалуйста. Я на плохой бумаге рисовал, лучшей не было. И блокнота этого у меня тогда еще не было...
— От залывае,— повторил Ващеня, многозначительно покачав головой.
— А где же ты блокнот взял?
— Да тоже в Москве.
— Чулы, хлопци?
Кто-то засмеялся. Вокруг Исидора становилось шумно. И никто не заметил, как проснулся и встал Ситников. Худой и высокий, он сначала заспанно, равнодушно смотрел из угла на сгрудившихся возле двери бойцов, затем, когда поднялся шум, подошел ближе, прислушался. Когда же увидел на поднятом кверху блокноте портрет Ленина, громко и строго сказал:
— Тихо, братцы,— и подождал, пока уймутся остряки.— В чем дело?
— Та хлопец цей каже,— поспешил с объяснениями Ващеня,— що бачив живого Ленина. И даже малював с него портрет.
— А ты кто будешь? — спросил «старшой» у Пятнышкина.
Тот объяснил и, порывшись все за тем же отворотом шинели, достал и протянул бумагу. Ситников прочитал ее, вернул и спросил коротко:
— Говоришь, видел Ленина?
— А пошто мне врать?
— Рассказать можешь?
— М-могу.—Пятнышкин пожал плечами.
— Ну так и начинай. Как там тебя?
— Исидор.
— Давай, Исидор, рассказывай. Послушаем, ребята. Дурьи вы головы! Разве ж такое часто бывает?
— А як набрэше?— не унимался Ващеня.
Ситников укоризненно посмотрел на него.
— До чего ж ты, Ващеня, Фома неверующий. Послушай лучше, может, и вправду человек Ленина видел.
Рассказ Исидора Пятнышкина был недлинным. Да и сам случай, о котором шла речь, касался не долгого времени, в минуты какие-то вмещалось все, о чем, зажав в руках настежь раскрытый блокнот, говорил Пятнышкин.
Худощавое лицо его помолодело, совсем как бы ребячьим стало, и все на нем ожило, порозовели щеки. Смотрел Исидор не на слушавших, а поверх их голов, на то самое солнечное пятно, успевшее, правда, переселиться с заслонки на небеленую стену хаты.
От слова к слову голос его становился мягче и задушевнее, даже простудного хрипа вроде поубавилось в нем.
Пятнышкин скользнул взглядом по лицам слушавших его и не мог не подивиться: будто застыло на этих лицах все, ни жилка не дрогнет, ни губы не шевельнутся. И хозяйка тоже...
Исидору хорошо от этого, увереннее стал рассказывать. Все так явственно помнилось, так властно просилось в рассказ каждой мелочью. Да и подходило уже к самому главному. Вот только не хватает слов, чтобы передать все, что он тогда чувствовал. И тем удивительнее было для Пятнышкина, что люди так же понимающе кивали ему, когда он, заикаясь, мучился в поисках нужного слова, как и самим найденным наконец словам. А если найти слово так и не удавалось, то слушавшие все равно понимали его, Пятнышкина, так — был он уверен,— как и следовало понимать.
Конечно, если бы тут, в мазанке, среди этих разновозрастных таращанцев, был хотя бы один из тех, что стояли тогда, слушая Ленина, Пятнышкину было бы совсем просто. Изредка кинутый немудрящий вопрос к очевидцу: «Помнишь, как?..» — а в ответ хотя бы один, без слов, утвердительный кивок — и рассказ уже по-иному весом, в нем больше живописующей плоти, ярче огонек, согревающий и говорящего и слушающих.
Особенно рад был бы Исидор Пятнышкин появлению в этой украинской хате друга своего Кондратия Курганцева.
Вместе они пошли на войну, вместе и мотало их по дорогам да окопам аж до прошлогодних осенних заморозков. До той смертной минуты, когда пуля выклюнула Кондратия из горстки поднявшихся в последнюю атаку бойцов. И хотя прорвались они тогда из белогвардейского кольца под станицей Сухмяной, но живыми от проклятой высотки по буераку в степь ушло всего шестеро.
А если бы жив был Кондратий да появился бы здесь, в хате, заливаемой оттепельным солнцем, то уже не самому Пятнышкину, а как раз ему, Кондратию, очень даже пошло бы рассказать о дальнейшем. Ну какие тут подыщешь слова, как объяснишь, что вот обернулось же тогда все так, а не иначе?..
«Товарищи!..» Слово это не взорвало тишину и не упало на ломаный строй слушающих — оно как-то естественно, без усилий, но почти зримо приблизило всех к говорящему.
Пятнышкин скорее не подумал, а почувствовал, что еще одного такого момента в его жизни не будет. И если он упустит этот случай, то не простит себе никогда.
И он решился. Решился рисовать живого Ленина. «На обоях? Пусть на обоях. Пусть. Ведь надо... надо... надо...»
Рулончик обоев был для него настоящим сокровищем. Исидор нашел его в богатой пустующей квартире, когда их роте пришлось очищать от юнкеров и эсеров кварталы вблизи Кремля.
В маленькой кладовой обоев была целая связка, и Пятнышкин, потерявший надежду найти хоть какую-либо бумагу, обрадовался им, как золотому кладу. Он выдернул один рулончик, разрезал ножом на три части — получилось три коротких рулончика, которые ничего не стоило распихать по карманам. Потом, вернувшись в казарму, Пятнышкин два рулончика положил в котомку, а третий оставил в кармане. Вместе с огрызком карандаша...
Теперь руки, кажется, сами метнулись в карман, и вот уже рулончик в руке. И вынут из него карандашный огрызок. А Ленин... Он так близко, что можно разглядеть каждую черточку лица, плотный и спокойный свет глаз, движение губ...
Можно рисовать... Но как? Где примоститься? И Пятнышкин умоляюще шепнул Курганцеву:
— Кондраш, спину!
Тот понял сразу, повернулся вполоборота, ссутулился, чтобы ровней натянулась шинель. Пятнышкин смотал с рулончика побольше, складывая бумагу вдвое, вчетверо, вдесятеро, чтобы плотнее было под карандашом...
И начал...
Нет, если бы не погиб Кондратий, он лучше рассказал бы обо всем. А самому... Трудно, очень трудно самому.
Но Пятнышкин старался.
— Вот... Если не верите, вот... Глядите...— У Пятнышкина мелко дрожали пальцы. Он вынул из блокнота рисунок на обойной бумаге, протянул Ситникову. А сам говорил:
— Блокнотик же мне один студент подарил. Чудной такой. Незнакомый совсем. Увидал меня на вокзале, подошел. А я это вот самое... рисовал. На тех же обоях. Он смотрел, смотрел и вдруг говорит: «Подари на память этот рисунок». «На,— говорю,— не жаль». А он: «Имя свое поставь». Поставил я и имя. Тогда он достает блокнот. А с ним и карандаш. Как у настоящих художников бывает. Но вот... не уберег я его. Когда ранило меня, долго везли. А там лазарет. Ну, значит, кто-то и одолжил насовсем... Да карандаш — что! Жалко, конечно. А пуще всего я рад, что блокнот уцелел. Рисунок-то этот в него вложен был!..
А рисунок шел по рукам красноармейцев. В него всматривались, гуляли брови на лицах, то взлетая в удивлении, то сходясь у переносицы от едва ли не священной строгости. Долго смотрела на незаконченный портрет и хозяйка. Потом протянул руку Ващеня. Он всматривался в рисунок пристально и деловито: подносил ближе к глазам, потом отдалял почти на всю длину руки, щурился, покачивал головой. Возвращая, не сказал ни слова. Неторопливо достал из-за уха самокрутку, раскурил и лишь после этого поднял голову, посмотрел на Пятнышкина. Костлявое, даже какое-то коряжистое от морщин лицо Ващени было попрежнему суровым, но где-то под печатью хмурости угадывалось и что-то иное. Будто

вот-вот морщины колыхнутся изнутри и потекут с лица, и будет в этом течении радость...

Но все же сомнение в Ващене было сильнее. Только высказал он его не словами, а медленным, полным недоверчивости покачиванием головы.

На том и кончилось.

Скоро пошли бои за боями. И вместе с ними, совсем нежданно, по-воровски прокралась и та беда.

...В июньскую пору, чуть за полдень, слева над позициями, на самом спадке неба, вдруг затемнелось, а через минуту сильно шевельнулся ветер. Земля, почудилось людям, охнула, лежавшая окрест пахота еще больше потемнела, от стенок окопа гуще потянуло суглинной отсырью.

Пятнышкин, почистив винтовку и зарядив ее, положил поудобнее на бруствер, а сам опустился на корточки, оперся спиной о холодную стенку окопа и достал блокнот. Открыл его, вынул карандаш. И тут ветер с налету рванул листки. Пятнышкин кинул руки вверх, ловя выскользнувший из блокнота листок, но ветер, ударив раза два рисунком о бруствер, скатил его на ровное место и погнал по вытоптанной пахоте, к ничейной полосе.

Исидора выхватило из окопа одним рывком.

С обеих сторон над брустверами показались головы. Он бежал при полной тишине, бежал, как по невидимой реке.

Первым крикнул кто-то из своих:

— Назад! Гей!.. Очумел, что ли?..

Ветром скомкало крик, стало опять тихо, так тихо, что временами слышно было, как, царапаясь о пахоту, шуршит листок. Он словно бы играл с Пятнышкиным: то, наткнувшись на какую-либо былинку или неровность, застревал, подпуская бегущего поближе, то вновь срывался и ускользал.

Кто-то опять крикнул со своей стороны:

— Падай, паря... Дурень, падай!..

И Пятнышкин упал, только не по совету кричавшего, он кинулся всем телом на листок, вновь застрявший среди былинок. В это время оттуда, с чужой стороны, гулко и одиноко хлопнул первый выстрел. И на него, как на тревожный сигнал, выметнулся из окопа Ващеня. Широко и неуклюже кидая свои по-кавалерийски выгнутые ноги, он побежал к петлюровским окопам, крича:

— Гэй, погодьте... Братушки... Не пуляйте... Братушки... Пожалийте хлопца!..

Седая голова Ващени была обнажена, над ней высоко и длинно качались вскинутые руки.

— Погодьте... Не пуляйте... Гэй!..

И на это «гэй», как на команду, отозвался еще один чужой выстрел. Ващеня остановился, медленно, как бы нехотя, опустил руки, так же медленно повернулся лицом к своим, потом — в сторону Пятнышкина и молча упал.

А Пятнышкин все больше отдалялся от своего окопа. Но он не слишком приближался и к чужим. Порхающий под ветром листок вел его по самому центру. У почти неприметного издали бугорка Пятнышкин еще раз бросился на пахоту, но в то же мгновение листок взметнулся кверху и тут же резко прянул в сторону. Коснувшись через мгновение земли, он снова взмыл вверх, и там его закружило совсем, кидая то ниже, то выше, а потом неумолимо понесло к чужим окопам.

Мог ли Исидор знать, что именно здесь, на подступах к извилистой и крутой балке, возникнут эти острые завихрения и развилки в струях ветра? И что одна из этих струй с жестокой быстротой унесет листок за петлюровские позиции? Пятнышкин не успел даже вскочить вновь, как все было кончено: все так же прядая и летая в воздушном потоке, листок превратился в крохотную мелькающую точку, а скоро и вовсе пропал из виду. Там, где он мелькал, теперь было просто серое небо...

Исидор едва заставил себя встать. Один перед широко открытой, змеящейся в каких-то двух сотнях метров от него вражеской позицией он был беззащитен и страшен одновременно. Ветер размашисто трепал его взлохмаченные волосы и, чудилось, покачивал обвисшие в изнеможении руки. Пятнышкин стоял на той самой невидимой реке, по которой бежал.

А слева уже совсем сине надвинулась туча. Плотная, в узластых перевивах, с черными подпалинами по краям, она плотоядно всасывала в себя свет дня и слабую, на глазах редевшую голубизну неба.

Ветвисто и ломано перечеркнула тучу молния, и гром, до этого лишь отдаленно пробовавший голос, вдруг опрокинулся на землю весь, сразу. Колыхнуло и словно кинуло набок, потому что все на земле пришло в движение, вспенилось, потекло.

Открыли пальбу. Выстрелы были похожи на хлопанье мыльных пузырей — настолько ливень приглушал звуки. Но их становилось больше и больше. К ружейной трескотне присоединились два пулеметных выстука. Пули вслепую искали стоявшего в воде человека.

А туча все кидала и кидала на землю гром с водой, словно желая заглушить и залить глотки винтовкам и пулеметам.

И стрельба скоро поредела, а потом стихла совсем. Над позициями воцарилась немота, на всем пространстве между землей и небом слышался лишь тяжелый шорох ливня.

В окопах было уже чуть не по колено воды, а люди стояли не шевелясь.

Ждали.

Головы были повернуты в одну сторону, к левому флангу окопов: в том направлении бежал Пятнышкин за своим бесценным рисунком, и, значит, думали все, оттуда вероятнее всего ждать его появления.

А вышел из ливня Пятнышкин почти напротив своего окопа. Вышел, как привидение: темный шатающийся силуэт с ношей на спине. Увидевшие его не сразу поняли, что нес Исидор Пятнышкин убитого Ващеню. Силы уже покидали его, но Исидор все же сумел подняться на бруствер и бережно положить тело на кромку окопа. Спрыгнув затем в окоп, Исидор приблизился к мокрому и потому казавшемуся еще живым лицу Ващени, прерывисто прошептал:

— Прости, отец... Прости... Пэтро Мыколаевич... — и тяжело, обессиленно повис на руках успевших поддержать его товарищей...

...С тех пор никто не видел Исидора Пятнышкина рисующим.

УРОЖАЙ РУКОТВОРНЫЙ

В совхозе «Теджен». Одиннадцать с половиной тысяч тонн хлопка — урожай 1970-го.

Е. АЛЕКСЕЕВСКИЙ,
министр мелиорации и водного хозяйства СССР

Напомню, что при нашей встрече с читателями «Огонька» в 1968 году была сделана попытка, заглянув в год 2000-й, рассмотреть, имеют ли под собой основу доводы некоторых американских ученых, пророчащих человечеству не процветание на базе технического прогресса, а массовый голод и даже гибель миллионов людей от перенаселения планеты и оскудения ее природных ресурсов.

Тогда же было показано, что подобные прогнозы являются антинаучными, их авторы делают ставку на незыблемость, по их мнению, той социальной структуры общества, при которой благоденствие немногих строится на нищете миллионов. Единственно, в чем можно согласиться с американскими учеными, так это в том, что господство этой социальной структуры еще во многих странах земного шара усугубляет такое положение, когда в одних странах даже при бедных природных ресурсах доход на душу населения составляет 2,5 тысячи долларов, а в других, с богатыми природными ресурсами,— всего лишь 80—120 долларов. Только вывод напрашивается другой: природа ни в чем не виновата, а виновен тот общественный строй, основой которого является эксплуатация и социальное неравенство...

Сегодня хотелось бы поговорить о том, как ставятся на службу народу природные ресурсы нашей страны, страны, где уже более полувека в основе социального строя — забота о благе народа; где творческим учением, ведущим по пути прогресса, является марксизм-ленинизм.

Напомню, что 100-летие со дня рождения В. И. Ленина — величайшего мыслителя, создателя первого в мире государства рабочих и крестьян — было широко отмечено не только в Стране Советов, не только в странах социалистического лагеря, не только в странах, которые обрели свою независимость в результате краха колониализма, но и в капиталистическом мире. Многие буржуазные деятели вынуждены были признать огромную притягательную силу идей великого Ленина, а вместе с тем признать и результаты, достигнутые социалистическим обществом, на практике воплотившим эти идеи в жизнь. Росту материального благосостояния народа подчинено неуклонное развитие экономики нашей страны с учетом, конечно, тех необходимых мер, которые гарантируют советским людям мирную жизнь и защиту от противостоящих сил империализма. Но достаточно высокий уровень жизни прямо зависит от степени обеспеченности населения всем ассортиментом продовольственных товаров. Отсюда неустанная забота партии о развитии сельского хозяйства.

Необходимость неоднократного обсуждения вопросов развития сельского хозяйства на целом ряде Пленумов ЦК КПСС продиктована отнюдь не какими-то кризисными явлениями в этой отрасли народного хозяйства, как пытаются утверждать некоторые буржуазные писаки. Любые их домыслы легко опровергаются фактами. Никогда еще не было таких весомых приростов урожаев зерна, продуктов животноводства, технических культур, как в годы истекшей пятилетки. Никогда еще наша страна не собирала таких урожаев, каким был урожай 1970 года. И если партия снова и снова возвращалась к рассмотрению проблем сельского хозяйства, то лишь для того, чтобы ускорить темпы его развития, наметить более эффективные пути к увеличению объемов сельскохозяйственного производства. Это нужно для того, чтобы сельское хозяйство, исчерпавшее в основном ресурсы для развития вширь, быстрее перевести на рельсы интенсификации, в основе которой лежат комплексная механизация, химизация и мелиорация земель.

Цель интенсификации — в повышении продуктивности каждого гектара земли. Каждый гектар в ближайшем будущем должен «работать» за полтора-два и более гектаров. Следуя по этому пути, уже в пятилетке 1966—1970 годов мы получили весь прирост сельскохозяйственной продукции именно за счет интенсификации.

В осуществлении этой программы есть такие факторы, как комплексная механизация и химизация. Они в равной мере эффективны и необходимы для любой природно-климатической зоны. Но есть и такие средства воздействия на плодородие земель, особое значение которых определяется конкретными природно-климатическими условиями. Я имею в виду мелиорацию земель.

В борьбе за эффективность сельскохозяйственного производства именно мелиорации должна быть отведена решающая роль. Это диктуется известной суровостью природных условий, в которых развивается

наше сельское хозяйство (в отличие, например, от сельского хозяйства стран Западной Европы).

Научно обоснованное определение роли мелиорации как важнейшей составной части интенсификации сельского хозяйства дал майский (1966 год) Пленум ЦК КПСС. На июльском Пленуме ЦК КПСС в 1970 году снова было сказано об огромном народнохозяйственном значении мелиоративного строительства в нашей стране.

И то, как вскрываются резервы под влиянием мелиорации, как преображаются земли, улучшается их плодородие, как изменяется облик целинных районов и областей, можно было бы показать на примере резко отличных между собой основных природно-климатических зон нашей страны. Здесь необязательно применение таких широковещательных слов, как «переделка природы», «изменение климата» и т. п. Климат остается климатом, так же как Сибирь остается Сибирью и Кубань Кубанью. Мы располагаем сейчас такими действенными средствами, которые позволяют внести существенные поправки к существующим неблагоприятным природным условиям с тем, чтобы дать растениям влагу, недостающую для получения высоких урожаев. И, наоборот, убрать из почвы ее излишки, препятствующие росту урожая.

...Пустыня Средней Азии. Палящий зной при 50—100 миллиметрах годовых осадков. В мае даже эфемеры кончают свое существование, а потом — многие месяцы безоблачного голубого неба и температура воздуха до сорока и более градусов... Искусственное орошение земли в этих районах имеет тысячелетнюю историю. Изнурительным трудом отвоевывались клочки земли, к ним подводилась вода. У многих жизнь кончалась прежде, чем они могли обрести воду...

В таких природных условиях расцвет хлопководства в Советском Союзе — детище социализма. Вдумайтесь в цифры: 700 тысяч тонн и 6 900 тысяч тонн. Столько хлопка-сырца собрали к 10-й годовщине Советской власти и в минувшем 1970 году. Первое место в мире по урожайности хлопка наше. Примитивное орошение уступило место инженерному. Крупнейшие водохранилища, гидроузлы, обуздавшие бурные реки, бетонированные каналы, мощные насосные станции — все работает на благо человека, на расцвет наших братских республик, на нужды социализма. Таков вклад мелиораторов лишь в республиках Средней Азии.

Одна из новостроек — Каршинская ирригационная система в Узбекистане. На реке Аму-Дарье создается каскад в шесть насосных станций. Каждая из них имеет установленную мощность около 80 тысяч киловатт. На высоту 132 метров будет поднята вода в объеме 17 миллионов кубометров в сутки. В сутки! Она даст жизнь 350 тысячам гектаров пустынных земель. Здесь будет построено более 30 совхозов. Каждый год этот массив станет давать по 500 тысяч тонн ценнейших сортов хлопка, а в перспективе — до 1 300 тысяч тонн... Мечта? Да, еще недавно это было мечтой. А сегодня многотысячный коллектив мелиораторов, сотни машин и механизмов трудятся на строительстве этого объекта. В новой пятилетке будут политы первые 85 тысяч гектаров на этом массиве.

А Голодная степь? Она ежегодно дает сотни тысяч тонн хлопка. А рукотворные реки Туркмении? Воды только Каракумского канала оросили за истекшую пятилетку огромные плантации, здесь собрали более полутора миллионов тонн хлопка. А новые совхозы в Яванской долине Таджикистана?.. Сколько их, таких строек, которые крепят экономику среднеазиатских республик!

Большое значение имеет искусственное увлажнение земель и для нашей зерновой зоны. Важнейшие производители хлеба — юг Украины, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан, целинные районы Российской Федерации. Вместе взятые, они дают стране более двух третей зерна. В то же время все эти районы периодически подвергаются засухам. Волгоградская область в минувшем году продала более 4 миллионов тонн зерна, а в предыдущем, 1969 засушливом году — в четыре раза меньше. Закупки зерна в Ставропольском крае в 1970 году превысили 2 миллиона тонн, а в 1969 году хлеба здесь закупили раз в пять меньше... В целом по стране снижение объема производства зерна в засушливые годы достигает 20—30 и более миллионов тонн. Устранение этих колебаний, стабильное из года в год производство зерна — задача, которую не решить без культуры земледелия, без механизации и химизации. И, конечно, не решить ее без мелиорации. Орошение дает прибавку урожая до двадцати центнеров на гектаре, то есть практически удваивает урожай. В 1970 году со всей площади орошения зерновых только на Украине получен урожай около 40 центнеров с гектара. А в передовых хозяйствах — по 50!

В наступившей пятилетке новая площадь орошения в зерновых районах составит два миллиона гектаров. Широким фронтом развернутся эти работы в Поволжье. Здесь хозяйства особенно страдают от засух. Волга с помощью насосных станций уже к 1975 году оросит свыше 600 тысяч гектаров. А к 1985-му — свыше двух миллионов.

Вместе с тем у нас есть огромная сельскохозяйственная зона — Прибалтика, Белоруссия, северо-западные области, Зауралье и Дальний Восток, западные и полесские районы Украины,— где мелиоративные работы высокоэффективны так же, как в Средней Азии, но вот характер их принципиально иной. Здесь с помощью инженерных работ предстоит устранить переувлажнение земель. Надо не только быстро отвести избыточную влагу, но и удержать подпочвенные воды на уровне, отвечающем требованиям сельскохозяйственных культур. Решение этой задачи (она ежегодно осуществляется уже на площади, близкой к миллиону гектаров) дает новые тысячи тонн столь необходимого зерна, сочных кормов, сена. Именно на базе массовой мелиорации земель Литовская ССР по урожаю зерновых и кормовых культур заняла первое место среди всех союзных республик.

...Такова мелиорация сегодня. А завтра? На этот вопрос нельзя ответить более убедительно, чем это сделал на июльском Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «В широком развитии мелиорации — будущее нашего сельского хозяйства».

Так планомерно, последовательно, во все возрастающих масштабах социалистическое государство вносит свои поправки в естественные природные условия — во имя роста благосостояния советских людей.

ВОТ ВАМ И КАРАКУМЫ!..

Корреспонденты «Огонька» продолжают рассказ о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

«ТУРКМЕНСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА...

Завершить освоение земель в зонах первой и второй очередей Каракумского канала и продолжить строительство этого канала» — так записано в Директивах.

Вячеслав КОСТЫРЯ
Фото Дмитрия УХТОМСКОГО.
Специальные корреспонденты «Огонька».

Каракумы грандиозны. Даже если смотреть на них в иллюминатор скоростного самолета. Машина вроде бы зависает в неподвижности. Лишь исподволь чешуя барханных наметов сменяется гигантским ожоговым шрамом. Белесые пятна глинистых площадей — такыров среди синих песков-пухляков представляются то околоземными облаками, то зыбкими дымами пожарища.

Одно название чего стоит: Каракумы — Черные пески!..

Сколько легенд сложено о воде, которая сквозь скалы пришла к плодородной земле. А вот о том, чтобы просто прорыть канал от многоводной Аму-Дарьи в глубь лежащих рядом, изнемогающих от жажды Каракумов, туркменские земледельцы и скотоводы не смели мечтать и в легендах. Ни гор, ни скал нет на пути, а поди ж ты!.. Черные пески есть Черные пески.

И тем разительнее впечатление: как бы сопровождая самолет от Аму-Дарьи на северо-запад, к Ашхабаду, низом, по каракумской пестроте бежит сверкающий солнечным золотом позумент Каракумского канала имени В. И. Ленина! В обе стороны от него широченные окаймления из полей-прямоугольников. Идут зимние промывные поливы, и целые массивы совсем недавно пустынной каракумской земли по мере движения самолета один за другим зеркально вспыхивают под лучами солнца. И с благодарностью вспоминаешь тех, кто прокладывал по такырам и окраинным степям Каракумов эту животворную дорогу от реки до 837-го километра, до самого крайнего рубежа, где завершилась третья, предусмотренная Директивами XXIII съезда КПСС очередь строительства Каракумского канала и где в хорошем темпе началась четвертая. И солдаты-ветераны и командиры, одержавшие первую победу в битве с пустыней, сейчас в преддверии еще более трудных испытаний: в штабах строителей — от Главного командования до «взвода» — разрабатывается детальный план нового генерального наступления. Его атмосферу мы ощущали повсюду, на всей трассе, добираясь на вездеходе до берега еще совсем юного рукотворного моря — Копетдагского водохранилища, вырастающего в полусотне километров на запад от Ашхабада, возле поселка Геок-Тепе, на магистральном пути Каракумского канала. И вот мы уже на самой «передовой», у «взводных» полевых вагончиков строителей.

...Начальника участка сухопутных землеройных механизмов «Копетдагидростроя» Александра Ивановича Антипова мы увидели издали. Антипов стоял на гребне по-

логой насыпи, за которой открывалось широкое подковообразное ложе будущей намывной плотины — она поднимется здесь на пятнадцатиметровую высоту. Александр Иванович одет по-походному: шапка-ушанка, куртка-штормовка с капюшоном, армейские бриджи, сапоги, офицерская сумка-планшет. Взгляд сосредоточенный, из-под сдвинутых бровей. Так смотрит скульптор на глыбу мрамора, художник — на белизну холста. Видит то, что другим пока не видно.

— Знаете, где мы с вами стоим?.. — спросил он, потирая задубевшими руками исхлестанное ветром-жигуном лицо. — На пляже! У самой кромки воды... Придет время, навозим сюда самосвалами желтого песочка и ляжем загорать...

Его слова — чистая правда, кроме, пожалуй, «ляжем загорать». Говорил он это и на Волго-Доне и у котлована Цимлянского моря, а теперь вот — на каракумском ветру. Александр Иванович — воронежец, из Борисоглебска, но путь домой мыслит себе только так — по Каракумскому каналу на катере в Каспий, а там уже и до дома рукой подать.

Другой дороги к родным местам не признает и киевлянин Владимир Дмитриевич Сумец, тоже «начальник штаба» — главный инженер «Копетдаггидростроя». Мотается он на «газике» по днищу будущего моря, каждой жилкой ощущая груз 220 миллионов кубометров воды, которая уже в будущем году должна заполнить гигантскую чашу. А это значит, что оживут, расцветут, начнут обильно плодоносить более пятнадцати тысяч гектаров ныне пустынных земель Бахардена, двадцать тысяч — Кизыл-Арвата, более тридцати пяти тысяч — Казанджика.

О том, что такое для здешних мест вода, можно судить по рассказу начальника СМУ «Копетдаггидростроя» Аннамурада Аннакурбанова:

— В Казанджике капля воды — драгоценность. Добывают ее из глубоких скважин, привозят издалека в цистернах.... Не зря говорится, что если все казанджикцы в одно и то же время захотят утолить жажду, — нечем будет поливать поля. А ведь именно на кизыл-арватских и казанджикских землях выращиваются самые ценные, самые тонковолокнистые из тонковолокнистых сорта хлопчатника, которые впятеро дороже обычных. Вот вам и Каракумы!..

Всякий раз пуск воды на готовых отрезках канала — народный праздник. Вдоль берега выстраиваются молодые матери с первенцами на руках и, зачерпывая рукой воду, смачивают ею лица ребятишек: да не испытают они никогда каракумской жажды!.. Как-то неподалеку от Теджена во время такого праздника фотокорреспондент попросил седобородого туркмена в бараньей папахе-тельпеке взять в пригоршни воды из канала, поднести ее к лицу и немного попозировать — ах, какой снимок мог бы получиться! Но не успел корреспондент оглянуться, как аксакал единым духом выпил шоколадную влагу и, блаженно улыбаясь, отер мокрыми руками лицо. Нет, запечатлеть все это в деталях может только киноаппарат!..

Без оглядки продвигаться по Каракумам нельзя. И один из линейных участков возглавил опытный «ротный» — ашхабадец Мезид Мезидов. Фронт работ его «взводов» — расширение, углубление русла канала, расчистка наносов: у амударьинской воды свой норов, у каракумских грунтов — свой, и когда они объединяются, нужен глаз да глаз. Это как раз по плечу таким бывалым гидромелиораторам, как братья Виктор, Анатолий и Владимир Величко, Геннадий и Анатолий Москаленко, Павел Чебуров. Став со своим земснарядом неподалеку от Ашхабада, они ежемесячно выкидывают по 13—14 тысяч кубов при норме 5—6 тысяч.

Далеко в пески уносится гул бульдозерных моторов. «Батальонное» вооружение — это полсотни бульдозеров, два десятка земснарядов, более тридцати скреперов, столько же экскаваторов.

А если окинуть стройку с «дивизионной» вершины? В кабинете начальника «Каракумканалстроя» Базара Ниязовича Аннаниязова целую стену занимает красочная схема канала. Синяя линия готовой трассы — у Геок-Тепе. А уже есть все основания продлить ее хотя бы тонкой жилкой еще дальше на северо-запад — на наших глазах аму-дарьинская вода, прошедшая 880 километров по основной трассе и Копетдагскому магистральному распределителю, устремилась на земли Бахарденского района.

Сколько же плодородной земли подарил туркменскому народному хозяйству канал к концу прошлой пятилетки? Слово Базару Ниязовичу:

— В зоне канала теперь орошается двести двадцать тысяч гектаров. Две трети из них — вновь освоенные. Улучшилась водообеспеченность ста тридцати тысяч гектаров земель, орошавшихся и прежде. Обводнены пастбища на площади полутора миллионов гектаров. Все затраты на строительство канала окупились еще в 1964 году, и уже к началу 1970 года он дал прибыль более семисот миллионов рублей.

Эти цифры особенно впечатляют, когда въезжаешь, скажем, на территорию колхоза «Совет Туркменистаны», расположенного в нескольких километрах от Ашхабада. Хорошо спланированный, благоустроенный центральный поселок Гями легко принять за новый микрорайон республиканской столицы. Вот только зелени здесь побольше. И как-то трудно представить себе эти места иными. Трудно, даже когда слушаешь рассказ председателя Мурадберды Сопиева о том, что совсем недавно тут возвышался длинный холм, похожий на лодку, — в переводе с туркменского Гями значит «лодка». Всего пятнадцать дайханских семейств жило тогда в Гями. Откуда же они брали воду? Только из ручьев, стремительно обтекавших холм в пору таяния горного снега. Представляете, как нужно было изощряться, охотясь за этой водой!

Ныне Гями и окружающие его колхозные поля — крупнейшая овоще-бахчевая база Ашхабада. Здесь ежегодно выращивается более двенадцати тысяч тонн овощей, свыше трех тысяч тонн дынь и арбузов. Полтораста гектаров под фруктовыми садами, около четырехсот — под виноградниками.

— Теперь в Гями из-за арыков и напрямик-то не пройдешь, — засмеялся Мурадберды Сопиев. — Улицы переходим по мостикам!..

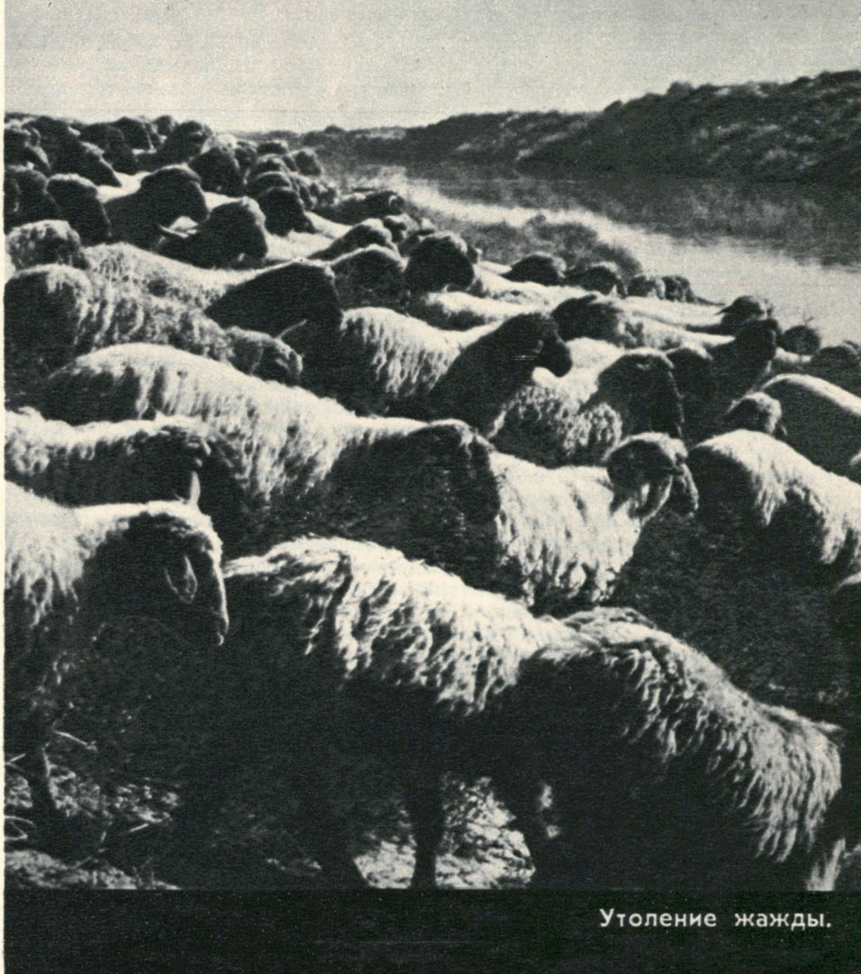
Однако овощи овощами, но Каракумский канал — это прежде всего большой туркменский хлопок. И чтобы ожили цифры итоговых сводок, достаточно побывать хотя бы на заготовительном пункте, где хранится прошлогодний хлопковый урожай совхоза «Теджен»: целым городским кварталом протянулись бунты белого золота — одиннадцать с половиной тысяч тонн. И все это дали каракумские пески, утолившие свою извечную жажду.

Частенько бывает в этих местах известный туркменский писатель Берды Кербабаев — он крепко дружит с целинниками, с основателем и бессменным директором «Теджена» Чары Ханамовым.

— Для меня совхоз «Теджен» — воплощение юношеской мечты, — говорит Берды Мурадович.

— В воплощении ее сыграла роль и художественная литература, — улыбнулся Чары Ханамов. — Мы еще в тридцатых годах читали поэму Берды Кербабаева «Аму-Дарья».

Утоление жажды.

...И вот снова в иллюминаторе самолета барханная чешуя сменяется ожоговыми шрамами, белесые пятна такыров кажутся то облаками, то островами, то зыбкими дымами. Но в воображении на эти мрачноватые картины, как на киноэкране, наплывают другие, радостные, только что виденные в преображенной пустыне. Уж очень ярки впечатления от преображенных аму-дарьинской водой просторов, и почти физически ощущаешь грандиозность каракумской нови, которую можно охватить полностью только с командной стратегической вершины. Вот что сказал нам Первый секретарь Центрального Комитета Компартии Туркменистана Мухамедназар Гапуров:

Рождается новое море — Копетдагское.

Александр Иванович Антипов шагает по трассе канала от самой Аму-Дарьи — уже девятую сотню километров.

— Издавна у нас говорят: «Родит вода, а не земля». Каракумский канал имени Владимира Ильича Ленина и другие усовершенствованные ирригационные системы придали нам такую силу, что, например, пятилетний план по заготовкам хлопка был выполнен уже в 1969 году. Хлопкоробы республики дали сверх плана более миллиона тонн сырца. В зоне канала теперь выращивается сорок процентов туркменского белого золота. Значительно увеличилось производство зерна, овощей, бахчевых и кормовых культур, коконов тутового шелкопряда, а на миллионах гектаров обводненных каракумских пастбищ — мяса, шерсти и первоклассного каракуля. Все это результат воплощения в жизнь Директив XXIII съезда КПСС. Переброска же аму-дарьинской воды по Каракумскому каналу далее на запад открывает большие перспективы развития нефтяной, газовой и химической промышленности Туркменистана.

...Да, Каракумы грандиозны. Редкостный тонковолокнистый хлопок, валютный каракуль, море нефти, колоссальные запасы газа... А завтра здесь, в пустыне, наверняка будут найдены, обнаружены новые и новые богатства.

Старший лейтенант Г. Кулинич — ракетчик.

МОЛОДЫЕ ОФИЦЕРЫ

А. ЩЕРБАКОВ,
спецкор «Огонька»

«Одна из характерных особенностей нашего офицерского состава — его молодость,— говорит командующий войсками Краснознаменного Закавказского военного округа генерал-полковник Семен Константинович Куркоткин.— Да, в большинстве своем офицеры — молодые люди, окончившие средние и высшие военно-учебные заведения. Неотъемлемое качество этих воинов — идейная закалка, беспредельная преданность Родине, Коммунистической партии и Советскому правительству, стремление глубоко изучать и умело использовать передовой опыт по обучению воинов. Наш округ пограничный. Поддержание высокой бдительности и боевой готовности — основа основ всей деятельности офицеров.

Воины Краснознаменного Закавказского округа бережно хранят традиции легендарной Одиннадцатой, а затем Отдельной Кавказской армии, отстаивавшей здесь Советскую власть в годы гражданской войны, традиции Закавказского фронта, ветеранов Великой Отечественной войны.

Сейчас в войсках, так же как повсюду в стране, идет подготовка к XXIV съезду КПСС. Офицеры округа вкладывают максимум усилий, инициативы, мастерства, чтобы ознаменовать съезд высокими результатами в боевой и политической учебе».

НОВЫЙ КОМАНДИР

Кулинич ни от кого не скрывает своей привязанности и даже любви к майору Макаренкову. Чего бы ни коснулся разговор, старший лейтенант Кулинич непременно вспомнит майора: умница, мудрый воспитатель, специалист редкий... Его таблицами, расчетами, графиками пользуются и сейчас. Сам Кулинич вряд ли так знал бы свое дело, если б не майор... С Макаренковым служить бы и служить. А его вдруг перевели в другое место. Подразделение принял старший лейтенант Миронов.

Кулинич удивился: Миронов недавно служил техником и еле-еле выпросился на установку, прослужил в боевом подразделении совсем немного, и вдруг его — вместо Макаренкова! Справится ли?

Кулинич представил себя на месте Миронова. До чего же ему придется трудно! Надо капитально заниматься самому, потому что в боевом подразделении не так-то просто справиться с командной должностью. Надо учить людей. Причем каких! Тех, что работали с Макаренковым, привыкли к положению первых...

Другие офицеры подразделения ожидали, что скажет старший лейтенант Кулинич, как он себя поведет. Заговорит в нем ревность, появится неприязнь к человеку, «посмевшему» занять место Владимира Ивановича? Или верх возьмет чувство товарищества? Кулинич не оставил времени для раздумий, сразу все поставил на место:

— Майор был старше нас, Миронов наш ровесник, но называть его

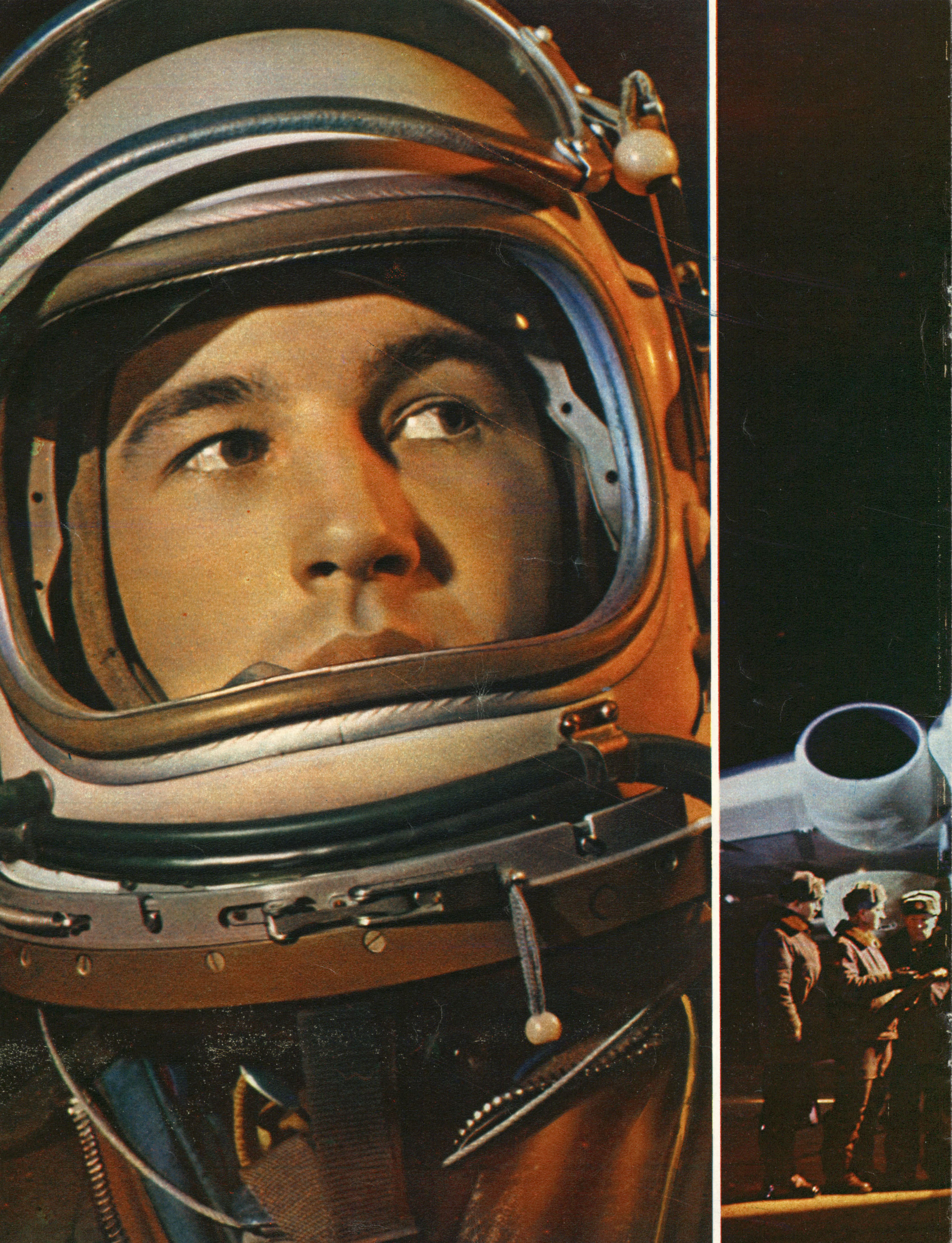
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Летчик-истребитель лейтенант Ю. Данилов.
Фото Г. Макарова.

Стратегический бомбардировщик перед дальним полетом.
Фото В. Куняева.

На боевом посту.
Фото Г. Макарова.

47

Горят огни
аэродромных
маяков.

В учебном классе.
Фото Г. Макарова.

Стерегущие небо.

мы будем только на «вы». Поддерживать во всем. Вздохи по Макаренкову — только про себя.— Он посмотрел на товарищей и добавил: — Думаю, майор Макаренков в подобной ситуации поступил бы так же!

Старшего лейтенанта Миронова обрадовала встреча с новыми подчиненными. Быстро нашли общий язык, сразу договорились, что поставлено не уронить репутацию подразделения.

...Весной, как всегда, их экзаменовали. Общую оценку подразделению вывели... «три». Из-за физической подготовки. Командир ходил сам не свой. Вот тебе и выпросился на боевую работу! Сам оскандалился, да еще и осрамил такое подразделение! Хоть подавай рапорт и просись в другое место...

Вечером к нему пришел Кулинич. Глаза, как всегда, веселые, отчаянные, улыбается, будто ничего не случилось. Достал свои «термоядерные» сигареты «Памир» и принялся рассуждать:

— Все ясно, и поэтому убиваться нечего. Жали мы на специальную подготовку и на боевую. А физподготовку упустили. Вот и прокол! Опыта, конечно, у нас маловато. Предлагаю не терзаться. Будем поправлять дело. Впереди еще много смотров, учений...

«Почему он говорит «мы»,— думал Миронов,— я упустил, я не сумел скоординировать учебу так, чтоб нигде не появились прорехи». Но Кулиничу виду не показал. Попросил его только подумать насчет физподготовки.

— А я уже подумал.— Кулинич улыбнулся.— Главное — внести дух соревнования. Предлагаю так проводить занятия: после обязательных упражнений разбить ребят на две группы — и комплекс дополнительных упражнений. Кто лучше? До седьмого пота, разумеется, по традиции... А теперь хватит о деле, я принес свою любимую пластинку. Можно завести?

И он поставил «Клен ты мой опавший».

В тот вечер Миронов попросил Кулинича не называть его на «вы», хотя бы с глазу на глаз.

Снова пришла пора учений... Ночные марши в горах, развертывание на незнакомых позициях, выполнение каверзных «вводных». А финал — вообще на пределе человеческих сил. Подразделению Миронова — теперь уже капитана — было приказано выполнить задачу на перевале. Поднялись — беснуется метель, ветер норовит сбросить людей в пропасть, столкнуть в бездонные ущелья машины. Но подразделение отлично выполнило поставленную командованием задачу.

А потом снова будни. Полигон. Упражнения. Отработка нормативов. Кулинич в сдвинутом на затылок шлемофоне тренируется со своими огневиками. Капитан Миронов смотрит на секундомер. «Великолепно! Почти на тридцать процентов быстрее, чем отпущено по нормативам!» Иначе и не может быть в подразделении, занимающем первое место среди других подразделений.

...Вечером Кулинич опять рассказывал мне про майора Макаренкова. И вдруг спросил: «А как вам Миронов?» Ответить не дал. Признался: «Если день его не вижу, скучаю. Настоящий боевой командир. Хорошо с ним служить. Честное слово!»

ПОДАРОК НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сегодня у лейтенанта Юрия Данилова первые после отпуска полеты. Утром Юра побаивался: не отвык ли от комбинезона, от шлема, от кабины самолета — от всей напряженной, по-хорошему азартной летной жизни? Ничего подобного. Лейтенант почувствовал, что не отвык, когда вышел на аэродром из автобуса, а когда стал переодеваться, ему и вовсе показалось, будто он никуда не уезжал из части. Все привычно, знакомый распорядок и ритм.

Занятые в полетах собираются в классе предполетных указаний. Докладывают дежурный штурман, врач, начальник связи. Дают погоду: ветер северо-западный, сильный, до 22 метров в секунду. Облачность... Дальше задания: перехват, сложный пилотаж в зоне, ночные полеты.

У Юры Данилова сегодня два вылета. Первый в 14.10. Есть еще время обдумать задание, потренироваться, а перед самым вылетом отвлечься. Отвлечься... Конечно, тут же вспомнится отпуск. Первый офицерский отпуск из части. Поездка к Свете в Ленинград, оттуда — во Львов, к родителям.

Во Львове 16 ноября отпраздновали Юрино двадцатидвухлетие. Мама приготовила его любимое блюдо — жареную индейку. Таня, сестра, нарядно накрыла стол. Пришел школьный товарищ Юры Валерий Мороз, Танины подруги, пришли папины боевые друзья. Отец в войну летал на штурмовике. Он-то и указал сыну дорогу в небо...

Принесли, как водится, подарки. Но о самом ценном Юра узнал по телефону. Утром позвонили друзья и сообщили, что подписан приказ о назначении лейтенанта Юрия Данилова начальником штаба эскадрильи. Приказ датирован 16 ноября, днем рождения Юры.

Юре очень хочется спросить сегодня у командира части или у замполита про этот приказ. Он, Юра, правда, не сомневается, что приказ специально приурочили к его дню рождения. И все-таки интересно, не случайное ли это совпадение?

Оба полета у Данилова прошли успешно. Воздушная стихия приняла его так, словно и не расставалась с ним. Разумеется, надо еще потренироваться, чтоб полностью восстановить форму, а потом оттачивать мастерство, чтоб летать, как командир части или как замполит... Он вспомнил о командире и о замполите и снова подумал: «Спросить? Или не надо?»

В конце дня Юра все-таки подошел к замполиту. Майор Однолько только что вернулся из пятого полета.

— Ну, как прошел день рождения?

— Отменно!

— Так и должно быть в нашей части!

«Вот так,— подумал Данилов.— Хорошо, что я ничего не стал спрашивать ни у командира, ни у замполита насчет того приказа. Все ясно! Надо вот так учиться работать с людьми, знать о них все до мелочей, думать о них... Понял, начальник штаба?!»

Краснознаменный Закавказский военный округ.

М. ЛОБАНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

В литературной записи известного военного писателя Ивана Падерина вышли «Записки снайпера» Василия Зайцева, легендарного участника Сталинградского сражения, озаглавленные «За Волгой земли для нас не было» и опубликованные в журнале «Наш современник» (№№ 4—7 за 1970 год). Сейчас «Записки» выходят отдельной книгой в издательстве ДОСААФ. Первое, что читатель находит в этой книге и что покоряет его,— это дельность слова, поистине солдатская ответственность за сказанное (не забудем, что «солдатское» — это не только «военное», но и вообще все добросовестное, прилагаемое к любой человеческой деятельности: солдат мира, солдат культуры и т. д.). Это и художническая дельность, свободная от празднословия и верная фронтовой правде, с поразительной достоверностью подробностей и жизненностью характера. В самой судьбе и натуре Василия Зайцева есть что-то и от внешней незаметности толстовского Тушина и от неунывности тех народных самородков в рассказах и повестях Н. Лескова, которые в каких только жизненных переплетах не побывали, а все душа жива. «Мал золотник, да дорог»,— говорят в народе о таких невидных с виду людях, как низкорослый Василий Зайцев, которого в детстве необидно прозвали «аршином с шапкой», но и с детства же пошло уважение людей к этому удивительному внутренней зоркостью «колобку». Зоркостью именно внутренней — с того времени, когда еще двенадцатилетним мальчиком, следуя мудрым советам деда Андрея, охотился в уральской тайге и из первой же таежной опасности извлек для себя простую истину: «И удивительно, ни дедушка, ни отец, ни мать, ни бабушка, ни старшая сестра, никто из родственников не придал этому особого значения — обыкновенный эпизод из жизни двух охотников. Ночевали в лесу в трескучий мороз, убили двух волков и вернулись домой—все нормально и привычно». Это глубоко народная черта—исполнять разумно любое, даже самое опасное дело и не видеть ничего особенного в этом, а так должно быть, все на земле должно происходить нормально и целесообразно. И впоследствии, когда он стал моряком, а потом воевал в пехоте, когда прославился лучшим первым сталинградским снайпером, Василий Зайцев принимал все как должное, с тою основательностью и неложною простотой, что достается в наследство от народного опыта.

Образ Василия Зайцева так содержателен для понимания народного характера, что говорить о нем можно было бы и подробнее. Прежде всего это склад мышления, основанный на природном чутье к сущности явлений и к людям, на деятельном начале и живительном юморе. Посмотрите, как живо перевито и «уставное», железное и простодушно «зайцевское» в этом безоглядном решении, вызванном долгом: «Дайте ему снайперскую винтовку...— И, подозвав меня, приказал: «Товарищ Зайцев, считайте всех фашистов, которых прикончите. Два уже есть. С них и начинайте свой счет...

Я ПОНЯЛ ЭТО УКАЗАНИЕ КОМАНДИРА ПОЛКА КАК ПРИКАЗ, НО ПРИСТУПИТЬ К ЕГО ВЫПОЛНЕНИЮ ПО ВСЕМ ПРАВИЛАМ НЕ МОГ: БОЕВАЯ ОБСТАНОВКА ВЫНУЖДАЛА ЗАНИМАТЬСЯ ДРУГИМИ ВИДАМИ БОРЬБЫ С ФАШИСТАМИ» (подчеркнуто мной.— М. Л.). Своя особенная «физиономия» в этой рассудительности, как и в юморе, когда солдат говорит о фашистах, отправляемых в «крестовый батальон»; и особенно тот момент, когда уже знаменитым снайпером Василий Зайцев в Москву прибывает по «вызову» важных ученых лиц, изучающих в кабинете за чайком «опыт Великой Отечественной войны», и как сквозь первую растерянность, почтительность к изучающим «опыт» непроизвольно проглядывает насмешливый, умный взгляд солдата, все замечающего и знающего всему свою цену. И вместе с этим сколько выношенного, испытанного лично на себе и «общего» солдатского, братского в этих почти эпических словах о «солдатском небе», которое «над боевыми позициями всегда кажется с овчинку. Постоянно чего-то не хватает: то еды, то боеприпасов, то нет условий для отдыха. Зато вдоволь, хоть отбавляй, опасности. Попросту—гляди в оба, иначе смерть. А если начнется непогодь, считай: дыра в небе открылась именно над твоей головой, и все, что есть на свете мокрого, слякотного, холодного, предназначено для тебя, чтоб ты продрог до мозга костей. И кажешься ты себе тогда огромным неукрываемым великаном».

Если чуть-чуть — это «символ», то совсем ненавязчиво оно, великанство солдата, а даже как бы и необходимо,— возникая из психологической правды самочувствия его, открытого со всех сторон и для непогоды и для вражеского огня и видящего себя как бы огромной неукрываемой мишенью. Это мог сказать только человек, который вмерзал в ледяную землю. Но, конечно же, это и богатырь в полный размах своих сил, вышедший в поле чистое и видимый отовсюду на земле, как это и было с нашим солдатом в минувшую войну. Но чтобы решиться на такое «преувеличение», надо знать этого богатыря не «вообще» (тогда-то и получаются мертвые «символы»), а в живых, мельчайших подробностях фронтовой жизни. Именно **жизни,** ибо если справедливо, что человек ко всему привыкает, то на войне это подтверждалось в полной мере.

«Наши солдаты научились жить в огне»,— говорит Василий Зайцев, и в книге дышит эта огненная обстановка,— с землей, «вздыбливающейся» от двухсуточной молотьбы вражеских бомб и снарядов; с таким привычным гудением и грохотом, что кажется уже «не к добру» внезапная тишь; со смертельной усталостью оставшихся в живых: «Я стоял перед комбатом, а сердце, все внутренности во мне спали». Должен признаться, что, прочитав эту книгу, я впервые представил себе, что это значило — сталинградские бои в «разрезе» отдельного дома и даже отдельного заводского цеха, когда «наверху — фашисты, а в подвале — наши раненые...» «Я высунул (из щели) голову, осмотрелся. Оказывается, мы пробрались в кладовую инструментального цеха: кругом шкафы, стеллажи с инструментами и разными деталями. Отсюда можно видеть, что делается в токарном и сборочном цехах. В токарном немцы... Укрываясь за станками, ждут подносчиков пищи...» Но это не та «окопная правда», получившая хождение в нашей «военной литературе», с пересыпанием скрытно-полемических «окопных» фактов, которая выдает скорее расчетливость автора, нежели житье его в фронтовой действительности. Здесь же сама реальная боевая обстановка, точность и доскональность того, что «положено» знать солдату, «положено» по долгу службы и опыту пережитого, когда сами действия все говорят о характере героя.

Если вспомнить, что в последнее время вышли воспоминания о Великой Отечественной войне наших крупных военачальников, обозревающих события (в том числе и Сталинградскую битву) с высоты армии или фронта, то ярким добавлением к этим масштабным картинам надо счесть эти «Записки снайпера», где обнаруживается тот самый первоэлемент, из которого рождалась победа,— подвиг нашего солдата. И это, пожалуй, первые в нашей литературе по-настоящему солдатские записки о войне — характеристичностью разговора и самого облика героя-рассказчика. Солдатское мы видим не только в «мелочах», в «осьмушке махорки-полукрупки», в «лопате-телефоне», когда с помощью лопаты, воткнутой в грунт до самого заступа, прослушиваются земля и присутствие противника на ней; но и в краткости—местами как в боевом донесении — языка, афористичности его («силен тот воин, кто умеет себя победить»; «ведь мертвые бывают в строю только на перекличках, а бой ведут живые» и т. д.). И в нравственной развитости личности, в том сложном составе мыслей и переживаний ее, где скрепляющей силой становится человечность. Это, например, передано во внешне сдержанном рассказе и о встрече Кузьмы Афонина с матерью — на виду строя моряков, когда всю колонну, «как электрический ток», пронзило волнение; и о фронтовой дружбе людей разных национальностей; о заботливости крестьянски обстоятельного и на войне Петра Ивановича о своем младшем земляке Василии Зайцеве — и это так просто и сердечно, что хочется привести данное место:

«— Ну, Вася, я твоих словечков понимать сейчас не хочу...

Присели мы к котелку. Ныряем в него ложками по очереди. Смотрю, мой Петр Иванович своей ложкой крупу подхватывает, а мясо и жирную подливу под мой бок в котелке теснит.

— Что же ты, Петр Иванович, мясо не берешь?

— А у меня, Вася, настроение сегодня такое,— объяснил он явно неудачно. И чтобы окончательно замять разговор о мясе, заговорил ласково:— Ты вот что, Вася, попей чайку да усни хотя бы на часок, а то у тебя глаза покраснели, как у рака. А гвозди и фанеру я принес.

Привалившись спиной к куче свежего песку на дне траншеи, я снова уснул. Проснулся ночью и не поверил себе: Петр Иванович укутал меня... своей шинелью, под головой — вещевой мешок, ноги завернуты фуфайкой. Мне подумалось, что более мягкой и теплой постели не найти сейчас во всем Сталинграде.

— Петр Иванович, ты же замерз в одной-то гимнастерке! Зачем ты...

— Я, Вася, не мерз, работой грелся.

Оказывается, пока я спал, он прокопал новый ход сообщения к блиндажу».

Но Василий Зайцев прежде всего снайпер, и снайперский прицел становится в книге вроде собирательного центра всего материала. И мы сами как будто под наблюдением этого центра,— довольно странное психологическое ощущение, объяснимое, может быть, только силою всепоглощающей страсти, владеющей мастером своего дела и оттого заразительной для других. Наблюдения снайпера за поведением людей в их «переходном», под его прицелом состоянии полны острого интереса и производят, как все доступное лишь исключительным обстоятельствам, действие глубоко внутреннее.

«Наблюдать за поведением противника — моя страсть. Вот увидишь — из блиндажа выходит такой напыженный фашистский офицер, важничает, повелительными жестами разгоняет солдат в разные стороны. Они точно выполняют его волю, его желания, его каприз. Но он не знает, что жить ему осталось считанные секунды. Я вижу его тонкие губы, ровные зубы, широкий, тяжелый подбородок и мясистый нос...»

Бывает, и человек делается для нас еще дороже по своим моральным достоинствам, когда мы ближе узнаем его в «деле». Так и Зайцев: значительность его поднимается на недосягаемую высоту, когда он припадает к оптическому прицелу, когда пускает в ход свой зайцевский снайперский «почерк», парализующий вражескую умелую стрельбу «навскидку», «влет», когда огромным самообладанием поддерживает дыхание, чтобы оно не стало «дергунком», не мешало плавно нажимать спуск; когда при стрельбе сверху вниз —«а в таких случаях расстояние всегда скрадывается» — не верит глазомеру с первого взгляда, а накидывает «минимум одну восьмую к привычной сумме метров»; когда делает поправку и при зрительном мираже, возникающем в нагретом колеблющемся воздухе от бесконечного огня из всех видов оружия, и т. д. Одним словом, тончайшее знание самой техники меткой стрельбы, но образно трудность этого дела сам снайпер определяет так: «Путь к меткому выстрелу — это маленькая тропинка, проложенная по краю обрывистого берега бездонной пропасти». И в книге видно, чего стоит «путь к меткому выстрелу» — какой выдержки и напряжения всех заложенных в человеке способностей, какой изобретательной подготовки, чтобы, как говорит, не мудрствуя лукаво, Василий Зайцев, «приступить к решению задачи одним выстрелом».

Зайцевское «решение задачи» со всей проницательностью проявилось в его поединке с «суперснайпером» Конингсом, начальником берлинской школы снайперов, прилетавшим в Сталинград со специальным заданием покончить с «главным зайцем». Поединок этот, кончившийся гибелью «гостя», читается и как захватывающая «охотничья» история и как разгадывание двух характеров, в узкопрофессиональном смысле имеющих и что-то сходное (опытность, осторожность и прочее), но тем более не сходных в природе своего мастерства. Оказалось, что бездушно-мстительный, машинный прицел куда более уязвим в качестве мишени, нежели интуиция нравственного порядка. Мастерство Зайцева не вышколено, он ведь и школы спе-

Ь В ОГНЕ

циальной не оканчивал, в его снайперском совершенстве поражает именно гениальная интуиция, не механичность действия, а ориентация в бою, как в живой природе. Зоркость растет в бою, но исходное — оттуда, из детства, из тайги, из сродственности с природой, родной землей. И это уже не просто навыки охотника, а целое мироощущение с непрекращающейся нравственной связью с природой. И с непрекращающейся работою совести — явление как будто немыслимое на войне, но это так только, для поверхностного взгляда. Известно, чем заканчивалось освобождение Гитлером своих солдат от совести.

Попрание совести обратилось машинной обездушенностью человека, понижением и в конце концов разрушением его жизнедеятельных сил, лишившихся организующего нравственного центра; а в сугубо практическом смысле — ослаблением самого приноравливания к внешним условиям из-за нарушения разумной координации действий. То, что существует прямая связь между моральной основой человека и его волевой изобретательностью, можно вывести из известного нам поединка Василия Зайцева с фашистским «суперснайпером», вообще из действий русского снайпера, подчиненных той неодолимой внутренней силе, которую он сам называет «совестью». Он не раз говорит о необходимости выполнять свои обязанности «по совести», «каждый должен был спросить себя, свою совесть»; «совесть подсказывала, нет, не подсказывала, а диктовала»; «я обращался к сердцу солдата, к его сознанию, к его совести» и т. д. Это не словесная совесть, не совесть с трибуны, а совесть в бою. Надо полагать, это не пустые слова, когда их произносит тот, кто не раз смотрел в глаза смерти, и видящим в «совести» что-то непозволительное, «отвлеченное» снайпер мог бы ответить известными словами: «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста». Может быть, в этом и феномен характера нашего солдата — в неразложимой сложности силы воли и совестливости. Глубочайший смысл в неразмываемой внешними обстоятельствами сущности этого характера, которая заставляет вспомнить, конечно же, «суворовское» — как психологический тип сознания, не замкнутого военной механической логистикой, а одухотворенного морально. Любопытно вспомнить, как русский резидент в Константинополе писал Суворову: «Один слух о бытии вашем на границах сделал и облегчение мне в делах и великое у Порты впечатление...» И этот же полководец, одно имя которого наводит страх на противную сторону, говорил: «Без добродетели нет ни славы, ни чести». Связь, казалось бы, загадочная, но только для механического интеллекта, не способного постигнуть того, что односторонность истощает себя в самом корне.

Поэтому ненависть фанатичная бесплодна, как «акция» односторонняя, элементарная, так же как исторически действенна та «ярость благородная», о которой говорилось в песне времен Великой Отечественной войны. Русский человек добр до крайности, но в ненависти к врагу он неумолим. «Есть упоение в бою» — Пушкин и здесь ясновидец, как поэт национальный, как и в своем откровении о всечеловеческой отзывчивости русского человека.

В «Записках снайпера» плодотворно это единство яростности, «упоения в бою» и удивительной человечности нашего солдата, представляя собою в цельности тот тип духовной красоты, возникновение которого возможно только на народной почве. И в этой своей нравственной «натуральности» Василий Зайцев — одно из тех звеньев в исторической генеалогии, которые сами по себе составляют развивающуюся философскую проблему: как были Тушины, как были и есть Зайцевы и Гагарины, как будут в этом же ряду такие же поистине народные характеры, в отношении которых можно вспомнить слова Суворова: «Не льстись на блистание, но на постоянство».

Народный характер, духовно-эстетическая содержательность его являются основой и культуры, питающейся ценностями реальными и быстро истощающейся на интеллектуальном суррогате. В нынешней литературе, и в частности в книгах о войне, затянулось «моделирование» далеких от правды войны «конфликтов» и всяких «актуальных» в литературной среде рассуждений героев; критики пытаются делать целое умственное пиршество из ничего, и хотя такого рода пирушки бесперспективны в смысле обогащения литературы и, следовательно, жизни в ней,— вред от такой дезориентации в литературе только увеличивается. Вот почему появление этих «Записок снайпера» мне представляется принципиальной удачей для нашей литературы о войне, напоминая читателям о серьезных критериях в изображении войны, о творческих подлинных ценностях.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЖАМБУЛА ДЖАБАЕВА

«ЧЕЛОВЕК-СТОЛЕТИЕ»

Народный казахский певец-акын Джамбул всего несколько месяцев не дожил до своего столетнего юбилея. На закате жизни он называл себя «человек-столетие», подчеркивая не столько возраст, сколько удивительную и поистине символическую судьбу свою.

16 февраля 1846 года в семье бедного казаха-кочевника родился сын. Тогда малочисленный род его кочевал возле горы Джамбул, имя которой отец дал сыну. Вряд ли бедняк казах мог тогда поверить, если бы ему сказали, что песни его сына будут известны в двадцати шести странах мира, что уже его именем будут названы город и целая область в Казахстане!

Как и каждый казах, Джамбул рано стал петь песни и пересказывать эпические народные поэмы. Но лишь после целого года обучения у знаменитого тогда акына Суюмбая он отважился выступать на айтысах — поэтических спорах акынов.

Путь к всенародному признанию был долог. Спустя много лет после того, как пятнадцатилетний мальчишка учился у Суюмбая импровизации, тот снова встретился с Джамбулом, уже популярным в аулах взрослым мужчиной, и остался недоволен манерой пения и стихами своего ученика. Он дал Джамбулу совет: «Большой акын должен иметь свой голос, измерять землю своим аршином. Каждое твое слово должно разить, как кинжал. Никогда не лицемерь. Черпай слова из своего сердца, как воду из колодца».

Через всю жизнь пронес Джамбул слова своего учителя и не раз на склоне лет повторял их своим ученикам. Он создал новую поэтическую манеру, сочетая конкретность и реалистическую достоверность в изображении жизни народа с широкими социальными обобщениями. Его стихам были свойственны задушевность, простота и эпичность. Слушателей и читателей Джамбула всегда потрясала психологическая насыщенность его стихотворений. Он сразу же определился как поэт бедняков, поэт и певец народа. Он высмеивал баев-богачей, аульных старшин, чиновников. Обличал скупость и взяточничество, спесь и праздность. Осуждая знать, певец всегда противопоставлял ей простых людей, защищал честь и достоинство народные:

Тот батыр, кто за народ
В битве жизнь отдает,
Трус пощады не добьется,
Богатырь найдет почет.

Он и в жизни подтверждал правоту своих песен. Когда в 1913 году собрали акынов в городе Верном (ныне Алма-Ата) для подготовки к празднованию 300-летия дома Романовых, Джамбул отказался слагать песню. Он всегда отказывался и от предложений местных баев, суливших ему спокойную и сытую жизнь в обмен на прославляющие их род песни.

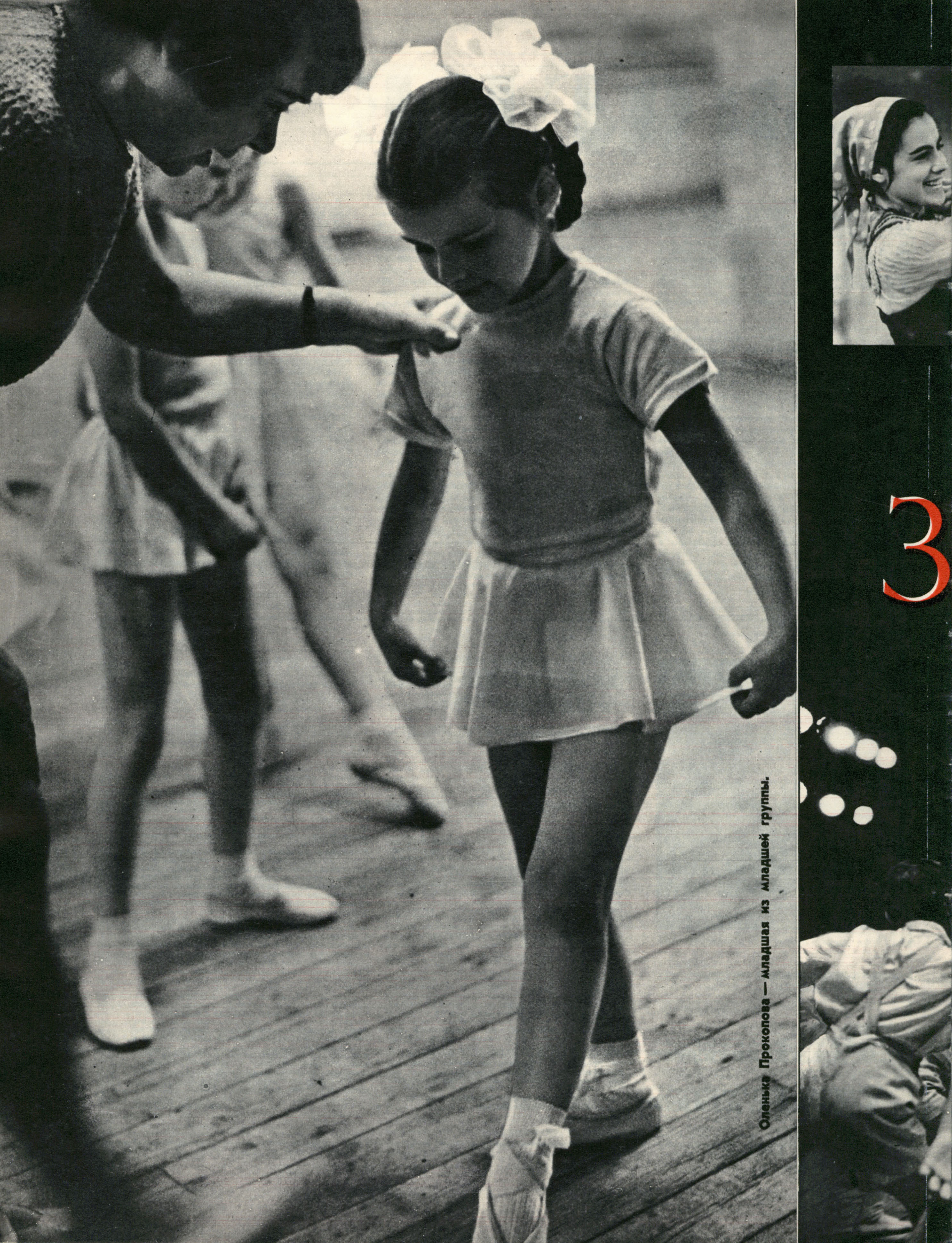
В 1917 году Джамбулу было за семьдесят. В автобиографии своей он сказал о том времени: «Я переродился, стал петь с большим жаром и охотой».

Джамбул трижды был в Москве, совершил путешествие по Кавказу, его избирают депутатом Верховного Совета Казахской ССР, принимают в члены Союза писателей СССР. Весной 1941 года акыну присуждают Государственную премию СССР за его популярные произведения. Правительство наградило Джамбула высшей наградой — орденом Ленина. Стихотворения народного акына не раз печатались на страницах газеты «Правда», а в суровые военные годы на всю страну зазвучал его голос, обращенный к героическим защитникам Ленинграда: «Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!»

В песнях Джамбула Джабаева отразились крупнейшие события нашей страны. Он поет о беспосадочных перелетах и об открытии новых школ на древней земле Казахстана, воспевает Пушкина и говорит величальные слова великому грузинскому поэту Шота Руставели, создает песни-приветствия («Песня съезду» и «Съезду большевиков»), а во время войны пишет песни-призывы.

Джамбул Джабаев, акын и поэт, возрожденный Октябрем к новой жизни, к новым песням, по сути дела, прожил две жизни, так непохожие одна на другую, как ночь не похожа на ясный летний день. Умер он летом 1945 года. Народ похоронил своего певца в родном ауле акына Каракастеке и воздвиг над его могилой мавзолей по древнему обычаю. Только раньше, в далекие времена, мавзолеи ставили ханам и баям, а этот мавзолей народ поставил сыну бедняка. Но превыше мавзолея разнеслась слава поэта.

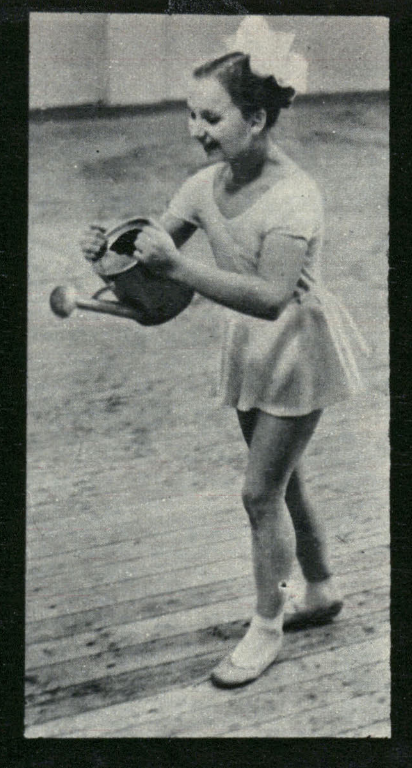
Валерий КОЗЛОВ

Оленька Прокопова — младшая из младшей группы.

Владимир Семенович Константиновский.

НАКОМЬТЕСЬ:
«ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ»

Анат. ГУРОВИЧ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Перед нами не профессиональные артисты. Танцуют дети. И хотя не раз во время концерта вы будете поражаться их умению, однако, думается, больше всего вас удивит и обрадует, что в танце — на глазах зрителей — творится сложный, постоянно меняющийся трепетный мир детской жизни, отношений. Ребята не играют во

взрослых, не подражают им, хотя и выступают на профессиональных подмостках. Это их подлинные чувства, мысли. И возвращаясь с концерта, вы не только с восхищением вспомните о том, как великолепны юные артисты, но и подумаете, как полно и интересно они живут в творчестве.

Коллектив, созданный десять лет назад из хореографического кружка московского Дома культуры автомобилистов — нынешний народный ансамбль «Школьные годы», — широко известен как лауреат многих фестивалей. Его выступления проходят в крупнейшем концертном зале страны—зале имени Чайковского. Ансамбль включен в абонементы Московской филармонии. О нем снят телевизионный фильм «Раз, два, три», тоже получивший премию на одном из международных конкурсов. Как правило, «Школьные годы» участвуют в ежегодных фестивалях: «Русская зима», «Московские звезды», ленинградском фестивале «Белые ночи».

Ребята много ездят, особенно во время летних каникул. Побывали они и в республиках нашей страны и за рубежом, где не только концерты, но и самая жизнь советской детворы вызывает огромный интерес.

Если бы руководители коллектива стремились сделать из ребят этаких вундеркиндов, концертирующих профессионалов в коротких штанишках, можно было бы смело утверждать, что зрители не испытывали бы радости от встреч с ними: всегда грустно смотреть на маленького артиста, у которого, в сущности, отнято детство. Нет, совершенно иные задачи ставили перед собой, задумывая ансамбль, его руководитель, заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Константиновский и его помощники. Хореография рассматривается ими не как самоцель, а как действенное, увлекательное средство эстетического воспитания.

С чего же начинает В. С. Константиновский!

Он не торопится приступать к обучению. Сначала зорко присматривается ко вновь принятому ученику. Изучает его пластику, характер, привычки, увлечения. Держит связь с семьей и школой, чтобы сообразно склонностям ученика увлечь его танцем. Так рождается хореография, необычная, светлая, всегда отмеченная индивидуальностью юных исполнителей, а потому приносящая им наслаждение.

Кропотливому, но плодотворному методу следуют все педагоги: Надежда Игнатова, Милия Сухарева, Юрии Гербер, Лев Рыбаков, Виктор Голубков...

Окончив школу, танцоры покинут и ансамбль. Но покинут ли вовсе!.. Оказывается, ребята не порывают дружбу со своими наставниками. Они принимают участие и в концертах и в их подготовке, беседуют с новичками, сами руководят танцевальными кружками во Дворцах культуры. А кое-кто выбрал для себя уже профессиональную сцену, их можно встретить среди прославленных танцоров ансамблей Игоря Моисеева, «Березки», Советской Армии. И всюду с благодарностью вспоминают они свои «Школьные годы».

Танцуют партнерши...

В ожидании дочек-внучек.

Старшие работают у станка.

— В глазки нужно смотреть, прямо в глазки...

В румынском танце...

Приглашение к танцу.

Солирует Лариса Чубарова.

Капитан А. ГОЛОБОРОДОВ,
старший лейтенант запаса
Герой Советского Союза В. ПАВЛОВ

ШИРОКИХ ТЕБЕ ДОРОГ, ЛЕЙТЕНАНТ!

Лейтенанта Павла Гончарова и старшину Григория Куца свел случай. В ротном красном уголке испортился телевизор.

— Сходи-ка в клуб, к нашему полковому киномеханику,— посоветовал лейтенанту один из сослуживцев.— Золотые руки! Мигом все исправит...

На другое утро Гончаров отправился в клуб. Открыл дверь с табличкой «Начальник». И увидел за столом невысокого, светловолосого человека в старшинских погонах.

— Где тут у вас найти киномеханика Куца? — спросил лейтенант.

— Я киномеханик Куц,— улыбнулся старшина.— Что, телевизор испортился? Сейчас наладим! Минуточку!

Несмотря на ранний час, комната начальника клуба была полна народу. Лейтенанту бросилось в глаза, как уважительно обращались к старшине офицеры и солдаты. Сразу видно, Куц авторитетный человек в полку.

Наконец старшина освободился, сунул в карман отвертку, пассатижи и встал.

— Я готов, товарищ лейтенант!

По дороге в казарму разговорились.

— А я думал, вы начальник клуба,—сказал лейтенант.

— Временно исполняю обязанности,— улыбнулся старшина.— Только это «временно» тянется что-то долго... А вы у нас в полку, наверное, недавно служите?

— Неделю, как прибыл.

— То-то раньше вас не встречал... А это хорошо, товарищ лейтенант, что вы о солдате заботитесь... Без телевизора скучно хлопцам...

От этой похвалы Гончарова чуток покоробило: «Что он, в самом-то деле! И сам знаю...» Но смолчал.

В красном уголке Куц аккуратно разложил на столе инструмент, вскрыл телевизор, покопался в его внутренностях. Потом повернул ручку. Экран засветился слабым светом.

Через полмесяца лейтенант вновь встретился с Куцем. Перед самым выездом на стрельбище заглох двигатель бронетранспортера. Водитель — молодой солдат — разволновался, никак не мог сообразить, за что браться.

— А ну-ка, подождите,— сказал Гончаров, отстраняя водителя.— Я сам!..

Но и лейтенанту, как ни хорошо он знал двигатель, никак не удавалось отыскать повреждения.

Битых полчаса ковырялся он в зажигании, в системе бензоподачи. А двигатель упрямо не желал заводиться...

— Товарищ лейтенант, разрешите взглянуть старому автомобилисту! — услышал Гончаров знакомый голос.

Оглянулся: у подножки бронетранспортера стоял старшина Куц.

— Что ж, попробуйте...

Откровенно говоря, Гончаров не верил, что старшина найдет неисправность. Откуда киномеханику знать устройство мотора?

Старшина сбросил китель, засучил рукава, взял ключ... И, к удивлению лейтенанта, через пять минут мотор ожил, чихнул раз-другой и весело зарокотал.

— Страсть как люблю машину! — словно оправдываясь, проговорил Куц, вытирая руки ветошью.— И не так ездить люблю, как копаться в машине. Свой «Москвич-401», наверное, не меньше сотни раз разбирал и собирал. За то работает как часы! Прошлый год всей семьей в Крым ездили. Ни разу не подвел.

Павел от души поблагодарил Куца. Но, по совести сказать, не очень-то ловко почувствовал себя перед солдатами: «Как же так, у меня, у офицера, не получилось, а старшина-киномеханик раз-два — и готово!..»

Видно, старшина заметил, что лейтенант испытывает неловкость.

— Это пустяки,— сказал он.— Вы бы тут тоже скоро разобрались. Просто я это повреждение хорошо изучил.

«Сразу видно — бывалый солдат,— решил Гончаров.— Службу знает. Понимает армейскую жизнь!»

Лейтенант Павел Гончаров и старшина Григорий Куц.

Армейскую жизнь Павел Гончаров любил и считал: знает ее досконально. Павел вырос в семье профессиональных военных. Почти сорок лет находился в строю дед — Леонид Алексеевич Прохоров, полковник в отставке. Он подарил Павлу фуражку со звездой, когда тот первый раз переступил порог школы. Может, та фуражка определила судьбу мальчишки?..

А мать Лилия Васильевна? С какой гордостью провожал Павел мать, когда она ежегодно, в День Победы, радостная и счастливая, со всеми боевыми наградами на груди бежала на встречу с фронтовыми подругами-летчицами... С душевным трепетом встречал Павел и стройных, подтянутых офицеров, часто бывавших в их доме. Он любил поскрипывание их портупей, запах снегов, трав, порохового дыма, бензина, который они приносили с собой. Ему всегда хотелось быть похожим на них, быть таким же бодрым, деловитым и в то же время веселым... С ними, с офицерами, Павел всегда чувствовал себя легко и просто.

Когда пришла пора поступать в Суворовское училище, он высчитывал дни, когда наконец переступит его порог. А окончив Суворовское, Павел Гончаров поступил в училище имени Верховного Совета РСФСР.

«Сурова молодость в шинели и юность, перетянутая ремнем»,— гласит курсантская поговорка. И это действительно так. Ведь общевойсковой офицер обязан уметь все: заменить механика-водителя в танке, оператора ПТУРСа или наводчика орудия, сесть за руль бронетранспортера... А главное — в любую минуту увлечь подчиненных, броситься в огонь и воду. Командир должен уметь все. Как говорится, быть и физиком и лириком. И этому учился Павел настойчиво, одержимо, не опуская рук, когда приходилось трудно, и не жалея об избранном пути...

Отзвенел последний курсантский звонок. И события замелькали, словно в калейдоскопе. Экзамены, поздравления, цветы, встречи, вечера, медь оркестров, прощальный торжественный марш по Красной площади, первые офицерские погоны с двумя звездочками, крепкие мужские пожатия при расставании, назначение на службу. В предписании лейтенанту Гончарову указывалось — прибыть в гвардейскую Таманскую дивизию, в часть, в которой он проходил стажировку. Назначение радовало: офицерский коллектив знаком. А это уже большое дело.

И все же, когда лейтенант впервые подходил к казарме, волнение охватило его. Но Павел внушал себе: «Будь спокоен, главное — начать»...

Начал он здорово. Вышел со взводом на плац, показал, как отщелкал, строевые приемы. Даже бывалые офицеры залюбовались. В спортзале сложное упражнение выполнил легко, играючи. Иной мастер спорта позавидует. Показал Гончаров высокий класс и на стрельбище: что ни очередь — попадание. Успевай только мишени менять.

Словом, первыми днями лейтенант Гончаров был доволен.

Тот забарахливший мотор бронетранспортера, который с такой легкостью отремонтировал старшина Куц, был, пожалуй, единственной тучкой. «Но что ж мотор! — рассуждал лейтенант.— С кем не бывает?.. Зато по всем остальным делам — порядок!»

Но настоящие трудности были еще впереди. Ведь командиру взвода мало знать и уметь самому — надо передать свое знание и умение солдатам. А главное, привить им чувство ответственности за то, как они усваивают воинскую науку. Иначе не сделать из новобранца солдата, способного без колебаний, умело и быстро действовать в бою... Короче говоря, надо сделать из парней, что только недавно пришли из совсем другой, штатской жизни, настоящих воинов. В этом нелегком деле гото-

В. Сибирский. РЕГУЛИРОВЩИК НА МАНЕВРАХ «ДВИНА».

Н. Денисов. МАНЕВРЫ «ОКЕАН».

Н. Соломин.
ЛЕТЧИК.

В. Дмитриевский.
ВЕЗДЕ ПРОЙДУТ.

вых рецептов нет. Но лейтенант не сразу сделал это маленькое, но важное открытие.

Он считал так: «Устав и присяга для всех одинаковы. А значит, и требуй одинаково и в посторонние разговоры не пускайся...»

Скажем прямо, подвел лейтенанта этот нехитрый рецепт. Ведь об офицере судят по тому, каково его подразделение. Мало ли что командир хорошо стреляет сам, на «отлично» знает приемы маскировки, тактику и все прочее многообразие элементов, составляющих воинское мастерство. Если бойцы его подразделения на стрельбище пускают пули «за молоком», не умеют маскироваться, опаздывают по тревоге,— грош цена такому командиру!..

До позднего вечера пропадал Павел Гончаров со своими солдатами, показывал, рассказывал, требовал повторить. А дело не шло. И поверяющие всякий раз — и в поле и в классе — ставили взводу неважные отметки.

Однажды Гончарову привелось присутствовать в комнате Славы, на встрече ветеранов дивизии с молодыми воинами.

Один из ветеранов увлеченно рассказывал о фронтовом друге — бесстрашном связисте, с которым не раз ходил в разведку, штурмовал высоты, освобождал города и села.

— А где сейчас этот связист? — спросил один из молодых солдат.

— Да вот он! И сейчас служит.

И тут, к великому удивлению лейтенанта Гончарова, в президиуме из-за спин ветеранов дивизии вдруг поднялся... старшина Куц.

Вот это да! Павлу даже в голову не приходило, что Григорий — участник войны. Три ордена Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги» и другие награды окончательно смутили Павла. «Вот тебе и киномеханик! Никогда б не подумал! Хоть бы намекнул о своих фронтовых заслугах!.. 28 лет подряд в одной дивизии! — Гончаров никак не мог прийти в себя.— И почти четверть века в одной части! Вот это верность полковому знамени!»

— Помню сорок второй год на Украине,— продолжал выступающий.— Наша дивизия попала в окружение, и комдив никак не мог связаться со штабом армии. За то время, что дивизия действовала в отрыве от своих войск, сменились позывные и длина волн. И радисты, как ни шарили в эфире, не могли найти своих. И все-таки нашли. Сделал это рядовой Куц. В штабе армии его узнали по радиопочерку и специально перешли на передачу на старой частоте... Связь была установлена, дивизия вышла из окружения. За это комдив представил связиста к награде.

Выступающий кончил говорить и сел.

— Пусть старшина Куц расскажет, как его принимали в партию! — сказал секретарь парткома.

Старшина покраснел, как новобранец, и некоторое время молчал. Притихли и солдаты. В комнате боевой Славы наступила тишина.

— Было это в январе сорок третьего, на Северном Кавказе. Наша дивизия держала оборону. Вызвали меня в штаб полка прямо с передовой,— негромко начал старшина Григорий Куц.— А до штаба далеко, да и дойдешь не вдруг: погода — ни зима, ни лето, гололед. Ноги разъезжаются. А враг чуть заметил движение на передовой — сразу ракеты! Только я вышел, ударил пулемет. Рванули мины... Пришлось бухнуться в воронку с водой, ждать, пока фашисты успокоятся. Потом опять где перебежкой, где ползком... Наконец добрался до села. В небольшой мазанке, где расположился штаб, шло заседание партийного бюро. Рассматривался вопрос о приеме в партию восьми солдат. Ждать мне долго не пришлось. После разбора двух других заявлений парторг зачитал и мое. Назвал фамилии рекомендующих. Среди них был начальник политотдела дивизии полковник Василий Михайлович Пилипенко. Боевой комиссар, старый коммунист рекомендовал в ряды партии меня — рядового солдата. Он сказал, что надеется на меня, что уверен: будучи коммунистом, я еще крепче буду бить фашистов... А на дворе все содрогается от разрывов. Где-то бьет тяжелая... В воздухе ревут моторы. И до того, товарищи, хорошо мне стало от этих слов и оттого, что приняли меня в партию, я и сказать вам не могу! Поклялся я себе: в любом бою буду первым! В ту же ночь, когда я вернулся к себе, наша часть пошла в атаку. И когда комбат крикнул: «Коммунисты, вперед!» — я встал сразу. И пошел. Я знал: рядом со мной товарищи по партии. Верней их не найдешь.

...После этой встречи задумался лейтенант Павел Гончаров: «Почему во взводе не ладится боевая учеба? Чем отличаются мои бойцы от таких, как старшина Куц? Или в Отечественной воевали особые люди?»

— А вы хорошо знаете своих солдат? — спросил однажды Гончарова замполит части.

— Как же, товарищ гвардии майор! — В голосе лейтенанта зазвучала обида.— Всех по имени-отчеству. Кто откуда. Образование...

— И все-таки этого недостаточно, лейтенант! Человека нельзя изучить по анкете. Есть у вас бойцы, на которых вы, безусловно, надеетесь?

— Как же! Вот сержант Сергеев, например, или рядовой Мельников. Этим отдашь приказание и можешь быть спокоен. Разобьются, но выполнят.

— И плохие бойцы тоже есть, верно?

— Верно, товарищ гвардии майор...

— А почему одни плохие, а другие хорошие? Это вы знаете?

Лейтенант молчал.

— Командиру, товарищ Гончаров, нужно вникнуть в душу каждого солдата. Узнать, что его волнует, что радует, что мешает ему. Но помните: не всякий вам все это сразу возьмет да и выложит! Пожалуйста, мол... Это трудно, понимаю. Но у вас есть важное преимущество. Ваши солдаты молоды. Вы тоже. У вас с ними много общего. Сумейте увлечь солдата воинским делом. Докажите ему, как это интересно, когда все получается. Разумеется, не ослабляя требовательности. Всякое панибратство только во вред!.. Кстати, вы собираетесь вступать в партию, лейтенант?

— Собираюсь, товарищ гвардии майор,— смутился Гончаров.— Да пока нечем мне гордиться. Неловко просить рекомендации...

— А у кого вы хотели бы попросить?

— У старшины Куца. Как вы думаете, товарищ майор?

Замполит помолчал.

— Что ж, рекомендующий будет у вас достойный. Но, конечно, надо заслужить его рекомендацию!

Этот совет крепко запомнил лейтенант. Понял, что одного только, пусть даже самого точного выполнения уставных требований мало. Заново присмотрелся к каждому из своих солдат. Молодые и, в общем-то, хорошие, грамотные ребята. Правильно понимают свой долг. Только характеры у всех разные.

Вот, например, Павел Чеканов, можно сказать, знаменитость части. А сколько пришлось с ним возиться лейтенанту!

Солдат страдал «звездной болезнью»: имел первый спортивный разряд по футболу и хоккею, часто выступал на соревнованиях, уезжал на сборы. На службу смотрел сквозь пальцы: это, мол, для меня второстепенное дело. Придя во взвод, Гончаров поубавил ему привилегий. Чеканов обиделся, замкнулся. И все-таки Гончаров сумел найти ключик к этому солдату. Однажды он поручил Чеканову провести занятия по гимнастике.

— Даю вам группу отстающих, товарищ Чеканов. Будете у них постоянным руководителем. Надеюсь, как опытный спортсмен, вы подтянете их до нужного уровня...

Чеканов по-прежнему сумрачно и сухо произнес уставное: «Слушаюсь!» — и отправился выполнять приказание. Но за дело взялся горячо: в нем обнаружилась организаторская, командирская струнка. Вскоре его группа стала получать отличные оценки по физподготовке. Через некоторое время Чеканов стал ефрейтором, потом — командиром отделения. Ныне он старшина роты.

Рядовой Николай Касимов тоже считался «тяжелым солдатом». Дисциплину нарушал, учился кое-как, с прохладцей. Лейтенант не спускал с него глаз. Старался убеждать. Но за нарушение спуску не давал, взыскивал. Далеко не сразу поддался Касимов. А сейчас Николай — отличник учебы, не раз поощрялся командованием части. Его портрет висит в ленинской комнате.

С рядовым Сали Бабаевым приходилось преодолевать трудности иного порядка. Он почти не знает русского языка. К этому солдату нужно особое внимание. Необычный подход потребовался и к рядовому Юсиф-Оглы Агаеву — инженеру-механику из Баку. Воин имеет высшее образование. Значит, и обучение его должно быть иным. Сколько людей — столько и характеров. И к каждому солдатскому сердцу лейтенант проложил тропку.

Мало-помалу под влиянием Павла Гончарова родилось и окрепло во взводе чувство товарищества, а с ним и понимание той непреложной истины, что от каждого бойца зависит успех всего подразделения.

Верно говорят в армии: каков командир, таковы и его солдаты... Чуть больше года командовал взводом лейтенант Гончаров, но его взвод добился права называться отличным. Это был большой успех молодого офицера. Но Павел Гончаров считал — мало. Надо проверить и взвод и себя на учениях.

...С утра мела поземка. К обеду пошел дождь. Под ногами хлюпали лужи талой воды. Промозглый ветер пробирал до костей. А к вечеру снова ударил мороз. Казалось, и погода испытывала стойкость и мужество гвардии лейтенанта Павла Гончарова и его солдат. Вот уже несколько суток подряд гвардейцы вели упорные «бои». Марш, встречное сражение, наступление, преследование, оборона и снова наступление. До победы, казалось, оставался всего один шаг... И тут «противник» неожиданно ввел в «бой» свежие силы. Навстречу мотострелкам устремились танки «врага». На их пути встал взвод лейтенанта Гончарова. Солдаты наскоро дооборудовали полузасыпанные окопы, оставшиеся еще со времен минувшей войны. Воронки от бомб приспособили для укрытия двух танков, приданных взводу. Смекалисто, по-фронтовому действовали воины.

Лейтенант цепко ощупывал взглядом каждую складку местности и все шесть дорог, которые, как ручейки, выбегали из перелесков и сходились вместе у высотки. Здесь решил ждать «врага» лейтенант, дать ему «бой»...

«В Отечественную на этой высотке насмерть стояли наши солдаты. Такие, как Куц,— подумал Павел.— И мы станем...»

Гончаров тщательно проверил все приготовления: маскировку, ходы сообщения, расположение огневых точек. Бойцы провожали командира взглядами, будто спрашивали: «Доволен ли ты, лейтенант?» И командир в душе благодарил их — придраться было не к чему... Но вот из-за перелесков показались «вражеские» танки. На большой скорости мчались они к высотке. Ближе, ближе...

— Без моей команды не стрелять! — передал по цепи лейтенант Гончаров.

Наконец боевые машины совсем рядом. Отчетливо видны бортовые номера. И тогда Гончаров скомандовал: «Огонь!»

Больше часа длился неравный поединок мотострелков и танков. Взвод Гончарова заставил «противника» развернуться в боевой порядок раньше времени. Задержал до подхода главных сил. Посредники оценили действия бойцов и командира взвода на «отлично».

— Ваши бойцы бились, как панфиловцы у Дубосекова,— сказал командир полка, пожимая руку лейтенанта Гончарова.— Молодцы! Благодарю за службу!

— Можете теперь обращаться за рекомендацией к старшине Куцу,— сказал случившийся тут же замполит.— Я его сам об этом попрошу.

И вот гвардии лейтенант Павел Гончаров снова в клубе у киномеханика старшины Куца. Улучив момент, когда Куц остался один, лейтенант, смущаясь, попросил:

— Вы не сможете рекомендовать меня в партию, Григорий Александрович?.. Я вас не подведу!..

И старшина, понимая причину этого неуставного обращения, улыбнулся:

— А я знаю, что ты не подведешь меня. Широких тебе дорог, лейтенант.

...В декабре прошлого года партийное бюро полка приняло гвардии лейтенанта Павла Гончарова кандидатом в члены КПСС. Кроме Куца, его рекомендовали секретарь партбюро полка и, как положено, полковая комсомольская организация. А когда этот очерк уже готовился к печати, мы узнали, что гвардии лейтенант Гончаров получил повышение в должности и теперь командует ротой.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

ПО

Аркадий Севидов.

Фото А. Награльяна.

В самый наипоследний момент вдруг появится, откуда ни возьмись, билетик, и с ним, запыхавшись, вбежишь в зал, в наступившую уже там строгую, выжидательную тишину и, стараясь не нарушить ее, с трудом переводя дыхание, тихонько садишься на свой стул.

Ах, все это уже столько раз испытано! Но тем не менее волнение безбилетника перед самым началом концерта не поддается никакому описанию. Откуда, из каких глубин души рождается это тихое, выстраданное шелестение пересохших голосовых связок, когда он, безбилетник, сунув голову в окошко кассы, как под нож гильотины, умоляет: «Пожалуйста, один билетик, хоть стоячий, хоть полустоячий, висячий».

Только выдержка и деликатность награждаются достойным образом. Деликатность мою породила полнейшая безнадежность, а выдержку — тупое, упрямое нежелание смириться, просто так уйти из фойе зала. Нет, это было бы уже слишком! Но, повторяю, выдержка и деликатность были вознаграждены. Зажав в кулаке билет, не имея времени даже освоиться с неожиданно привалившим счастьем, я понеслась в амфитеатр.

Итак, на концерт я попала. А на концерте этом играл Аркадий Севидов. Это был его первый в жизни сольный концерт. К этому Первому привела его дорога не малой длины.

Родился А. Севидов 8 ноября 1947 года в селе Исетском, Тюменской области. В 1960 году поступил в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории в класс доцента Н. А. Любомудровой. В 1966 году стал заниматься в Московской государственной ордена Ленина консерватории — класс профессора Льва Оборина. В 1969 году на Всесоюзном конкурсе пианистов завоевал самую высокую премию и специальный приз за лучшее исполнение произведений Чайковского.

Все эти данные взяты мной из проспекта 4-го Международного конкурса музыкантов-исполнителей имени П. И. Чайковского, где Севидов получил четвертую премию. На фотографии худое мальчишеское лицо; длинная, до бровей челка, вопросительно-улыбчивые глаза.

Тогда газеты писали о нем: «открытие нового незаурядного исполнителя», «молодое дарование», «особенный лирический дар», «пианист романтического толка», «конкурс открыл нам новый талант», «особенная подкупающая искренность».

И вот через четыре месяца после конкурса первый сольный концерт. И я на этом концерте, чудом достав билет, сижу, зажатая с обоих боков соседями, не пошевельнуться, и весь наш ряд сидит плотно, и так же плотно сидят на ступеньках амфитеатра и стоят на балконе, опираясь о барьер или прислонившись к стене. На эстраду вы-

СТИЖЕНИЕ

ходит парень и кланяется, опустив вниз руки, так, будто в каждой из них зажато по увесистой гире и он боится их уронить. Кланяется, встряхивает челкой и садится к роялю.

Когда пианист сидит за инструментом перед залом в полной тишине, о чем он думает? Какие заклинания произносит? Что решает он для окончательной мобилизации всех своих мыслей и чувств? О чем он мыслит?

— План, образ? — переспрашивает меня Севидов. — Да, возможно. Но главное, чтобы здесь не оборвалось. — И показывает на грудь.

А что там? Что там такое, что собрало всех этих людей в этом зале, что заставило их так рваться сюда? Севидов еще не заслужил репутации такого мастера, концерт которого всегда — открытие, а одно только имя на афише — гарантия полнейшего и скорейшего сбора. Его имя лишено еще той магической силы, когда оброненное вскользь «иду на концерт такого-то» вызывает ответный вздох: «Счастливчик!» Такое редко кому выпадает. Заслужить репутацию яркой, крупной индивидуальности вообще очень нелегко. Но как вообще в человеческой жизни случаются события основные, этапные, дающие возможность судить о человеке самым решительным образом, так и в судьбе артиста бывают они, с той лишь разницей, что происходит все это на глазах самой широкой публики. Для Севидова таким важнейшим этапом в жизни был конкурс Чайковского. И с конкурса начала складываться его репутация как исполнителя.

В чем же загадка любви или нелюбви слушателей к тому или иному исполнителю? Наверное, любовь как чувство загадочное в самой своей основе анализировать бесполезно. Но все же попытаемся это сделать, пусть даже если ничего из этого не получится.

В программе у Севидова стоит: Моцарт — Фантазия до минор, соната Листа си минор, прелюдии Скрябина, «Картинки с выставки» Мусоргского. Выходя на эстраду Малого зала, он думал, чтобы в груди не оборвалось. Думал, как донести. То, что было его самостоятельным прочтением, то, что было вживанием в замысел композитора, пережитое, испытанное вдохновение. И главное, бережно передать, сообщить это свое вдохновение залу. Быть поддержанным им и, значит, унесенным в высоту, называемую творчеством. Быть вознагражденным так, как могут вознаграждать за радость.

И тут касаемся области, наименее поддающейся анализу. Я говорю о контакте исполнителя с залом.

Сейчас, когда тысячами выпускаются высококачественные пластинки, все чаще отпадает охота, интерес к «живой» игре. Да, весь строй современной жизни таков, что все реже хочется тратить время на то, чтобы подолгу выстаивать у театральных касс. Мастеров мы слушаем и по радио, телевидению. Конечно, на концерты ходят, и билеты достать трудно, но все-таки заметны перемены в отношении посетителей к концертам. Если не возникает обоюдного общения, родства, контакта между залом и музыкантом, то действительно, не лучше ли остаться дома и услышать те же произведения в безукоризненном исполнении? А почему не возникает? Вероятно, кроме великолепного умения и артистизма, в музыканте должны присутствовать еще кое-какие качества. «Чтобы здесь не оборвалось», — сказал Севидов, показывая на грудь.

Что там у него было?

«Естественность и простота в восприятии музыки», «искренность исполнения», «направленность конечно же, романтическая», «выбор композиторов весьма определенный — Чайковский, Лист, Скрябин».

А еще, а еще...

...В 1960 году в июне месяце Наталья Андреевна Любомудрова, тогда заведующая фортепьянным отделом Центральной музыкальной школы при Московской консерватории, шла по школьному садику и увидела на скамейке мужчину с мальчиком лет двенадцати. В то время в ЦМШ были вступительные экзамены. Набор, как обычно, проводился не только в первый класс, но и в последующие, вплоть до одиннадцатого. Это мудрое правило существовало для того, чтобы не лишать наиболее способных ребят из других городов возможности поучиться в этой лучшей музыкальной школе, если даже обстоятельства помешали им начать заниматься там с первого класса.

Каждую весну после экзаменов уже учащихся там ребят экзаменовались желающие туда поступить.

Когда Наталья Андреевна шла в школу, первый тур этих вступительных экзаменов уже закончился и, заметив мужчину с мальчиком, явно чего-то дожидавшихся, заговорила с ними. Мужчина сказал, что мальчик — его сын, что они приехали из Ельца и хотели бы, чтобы мальчика кто-нибудь послушал.

Мальчика послушали и решили засчитать ему первый тур и допустить ко второму. Потом его условно приняли в ЦМШ на год. Почему условно? Да потому, что, поступив по возрасту в шестой класс, по специальным предметам он был подготовлен только для третьего. Но было в нем что-то, что дало право педагогам ЦМШ все же принять его. Они могли и ошибиться.

Поступил он в класс к Наталье Андреевне Любомудровой.

Какими были эти первые годы учения?

Если мы предпочитаем исполнение одного мастера другому, значит, уловили то нестандартное, что присуще только ему, и никому более. Эта нестандартность может вырасти и до гениальности. А для того, чтобы мы расслышали эту нестандартность, должно быть высокое умение, должна быть уже проведена вся та тщательная работа над основами, без которой вообще восприятие какого-либо искусства невозможно.

Итак, работа началась в классе у Натальи Андреевны Любомудровой.

Область человеческих взаимоотношений чрезвычайно сложна. Взаимоотношения учителя и ученика имеют свои особые сложности. Для того, чтобы научить, надо прежде всего завоевать доверие. Мальчик, впервые приехавший в Москву, оторвавшийся от привычной домашней обстановки, переживающий в силу своего возраста и своей одаренности все особенно остро и близко, должен был быть по-человечески понят своим учителем. Потом ему самому предстояло понять учителя. Но понимание приходит с годами. И если теперь Севидов, студент консерватории, советуется со своим школьным педагогом и просит послушать новую программу — значит, понимание это обоюдное и глубокое.

Наталья Андреевна говорит:

— Нам было легко и интересно вместе работать. Мы подошли друг другу. Это была счастливая случайность. Но эта «счастливая случайность» обнаружилась после недель и месяцев кропотливейших занятий. После бережного, чуткого присматривания к нему, мальчику.

А он, мальчик, скрытный и непростой.

Уроки... Новая среда, интернат при ЦМШ, где Севидову предстояло прожить вплоть до поступления в консерваторию. Мальчику из Ельца было особенно важно оказаться в среде, положительно влияющей на его все более возраставший интерес к музыкантской профессии. В этом отношении интернат очень помог. То, что преподавалось в школе, продолжало свое действие в интернате. Разговор о музыке, разбор музыкальных произведений с листа, музицирование в четыре руки — все это способствовало интенсивному росту ребят, формированию их как профессионалов.

Были и свои сложности. Удачи и неудачи. Постижение музыки, музыкантского мастерства и того, что теперь стало только ему, Севидову, присущими качествами и что со временем будет все больше и больше углубляться.

Сейчас мы говорим, что игра Севидова подкупает своей особенной искренностью, органичностью. Но эти свойства не только заложены в самой его натуре, но и осмысленны, утверждены годами работы. Не выискивание, а постижение музыкального образа, не внешний умозрительный поиск эффектного, а трудное, органичное проникновение в суть замысла, не противопоставление себя композитору-творцу, а медленное, родственное с ним сближение.

И все это не просто отличительные черты натуры. Если хотите, кредо художника. Как бы молод он еще ни был.

В семени заложена будущая жизнь растения, в еле заметном ростке трудно предугадать будущность дерева, но если силы и природный дар в нем не ослабнут, мы увидим своими глазами его вершину.

Прошлой весной Аркадий Севидов стал лауреатом 4-го Международного конкурса имени Чайковского. А незадолго до этого на Всесоюзном конкурсе пианистов он вместе с первой премией получил специальный приз за лучшее исполнение произведений Чайковского.

В письме от января 1891 года Чайковский писал В. П. Погожеву:

«Мне кажется, что я действительно одарен свойством правдиво, искренно и просто выражать музыкой те чувства, настроения и образы, на которые наводит текст. (Речь шла о вокальной музыке, но значение этих слов шире. — Н. К.) В этом смысле я реалист и коренной русский человек».

Возможно, этими же свойствами — правдиво, искренно и просто выражать музыкой чувства — обладает и Севидов. Именно они особенно привлекают слушателей.

Его лирический дар слышен в Чайковском, а речевая, разговорная интонация — в «Картинках с выставки» Мусоргского. Сценки «Рынок» и «Богатырские ворота» значительно перерастают картинку как таковую. И, созвучно замыслу автора, Севидов направляет наше внимание не только в область изобразительного, но и выразительного, область человеческих чувств.

Первый сольный концерт Аркадия Севидова доказал, что интерес, возникший к нему на конкурсе, неслучаен. Он, правда, еще слишком молод, чтобы кто-нибудь взял на себя смелость предугадывать его будущность, но завоеванный интерес будет сопутствовать ему на сложном пути артиста.

Журнал «Огонек» начинает публикацию документального романа С. К. Цвигуна «Мы вернемся». В романе рассказывается о первых месяцах Великой Отечественной войны, о действиях наших солдат и командиров в тылу врага, о зарождении партизанского движения, о наших военных разведчиках. Автор романа — участник Великой Отечественной войны, свидетель событий, о которых он рассказывает.

Роман печатается с сокращениями, полностью выходит отдельной книгой в издательстве «Советская Россия».

ОТРЯД ИДЕТ НА ВОСТОК

Порывистый ветер срывает с деревьев пожухлые листья. Они падают, устилая землю, оседают в воронках израненной снарядами земли, яркими ковровыми дорожками покрывают лесные тропы, осыпают солдат, устало бредущих по лесной дороге нестройной колонной. Лица солдат покрыты пылью, одежда пропахла гарью, сквозь белые повязки бурыми пятнами проступает кровь...

Солдаты разбросанным строем уходят на восток. Колонна в движении разрастается. Из лесных урочищ, из оврагов, из глухих мест выходят на дорогу красноармейцы и командиры. Они пристраиваются к колонне. Здесь и кавалеристы, и пехотинцы, и танкисты, и артиллеристы, даже темнеют бушлаты черноморских моряков. Как они попали в эти места, далекие от моря, что их сюда привело?..

Впереди колонны шагает майор Млынский. Он высок, широк в плечах. Его большие черные глаза глубоко запали в глазницы. Лицо потемнело от загара, от усталости и пыли. В черных густых волосах отчетливо проступает седина. За поясом у майора маузер без кобуры, две гранаты-лимонки. На гимнастерке орден «Знак Почета», гражданский, трудовой орден.

Колонна уходит в глубину леса, и чем глубже в лес, тем глуше становится отдаленная канонада. Где-то еще идет бой...

Они тоже оборонялись упорно, держались стойко. Три дня кряду отбивали одну атаку за другой. Горели немецкие танки. Ложились под огнем пулеметов вражеские пехотные цепи. Может быть, они еще и сейчас держали бы оборону на окраине небольшого города. Но вдруг атаки прекратились, бой переместился на далекие фланги. Враг нашел в обороне более уязвимое место и оставил сопротивляющихся в стороне, обойдя их. Пришлось, покинув позиции, двинуться на восток.

Млынский принял боевое крещение на границе. Немецкая тактика обходов, ударов в наиболее слабые участки обороны ему уже была известна. Несколько раз он выходил со своей частью из окружения. И слово «окружение» ни его, ни солдат его батальона не пугало. Осложнялось все, когда немецкие войска успевали свести клещи своих обходных флангов. Тогда приходилось искать слабые места, пустоты в немецком кольце. Находили и ускользали от врага, опять становились в строй. Вот и теперь он по отзвукам канонады пытался определить, куда переместились немецкие фланги, сумели ли они сомкнуться.

Колонна растекалась по лесной поляне. Майор объявил привал и подозвал к себе политрука, который прошел с его батальоном путь от самой границы. Это был кадровый офицер, уроженец Баку, сын рабочего с нефтяных промыслов, молодой еще человек, удивительно спокойный и ровный, Алиев Хасан Алиевич. Высокий, худенький и легкий на ногу, был он вынослив, как может быть выносливым тренированный в походах человек.

— Товарищ капитан, соберите бойцов нашего батальона! — приказал Млынский.— Нужно выставить надежное охранение.

— Слушаюсь, товарищ майор! — четко ответил Алиев.

Млынский созвал на опушке всех офицеров и младших командиров, оказавшихся в колонне.

— Товарищи командиры! — начал Млынский.— Обстановка, я думаю, ясна каждому. Мы оставили город, чтобы за нами не сомкнулось кольцо окружения. Мы сумели оторваться от противника. Мы ушли в лес... С нами сотни рядовых бойцов. Мы все вместе с вами ответственны за их жизнь... Главное сейчас — спокойствие и никакой паники... Задача всем ясна. Мы должны соединиться с главными силами нашей армии. Как это сделать, я сейчас, сию минуту не знаю. И никто не знает. На родной земле для тех, кто не выронил из рук оружия, не может быть окружения! Командование отрядом, как старший по званию, я беру на себя... Вопросы есть?

— Есть!

К Млынскому подошел старший лейтенант.

— Старший лейтенант Петренко,— представился он.— Мне уставные порядки известны, товарищ майор! Старший по званию принимает командование... Но я вас не знаю, вижу впервые. Доложите нам, кто вы такой!

— А я знаю...— сказал кто-то из командиров.

Млынский остановил его жестом руки.

— Вопрос поставлен старшим лейтенантом Петренко правильно. Я обязан рассказать о себе... По званию я майор. В армию призван из запаса в мае месяце. Войну встретил начальником особого отдела дивизии. Когда дивизия была разбита в последних числах июня, выводил ее из окружения. Командир дивизии был убит. Мне пришлось взять на себя командование. Когда вышли из окружения, командование приказало мне принять батальон. И еще раз пришлось выходить из окружения.

— Кем вы были до войны? — опять задал вопрос Петренко.

Млынский на этот раз более внимательно взглянул на старшего лейтенанта. Но на вопрос ответил:

— До войны я был учителем, партийным работником. Последние два года работал начальником районного отдела НКВД. Есть еще вопросы?

— У меня больше вопросов нет! — ответил Петренко.

— У нас в отряде около семисот человек,— продолжал Млынский.— Серьезная боевая единица. Такая боевая единица должна иметь политического руководителя и начальника штаба. Политруком отряда назначаю капитана Хасана Алиевича Алиева. Он сейчас выполняет мое задание. Начальником штаба назначаю капитана Сергея Тимофеевича Серегина. Он был начальником штаба у меня в батальоне... Капитан Серегин!

Из рядов вышел капитан в плащ-накидке. Ему лет двадцать пять — двадцать шесть. Выправка кадрового военного. И не мудрено. Из восьмого класса средней школы — спецшкола, затем Высшее военное училище имени ВЦИК, кремлевский курсант, командир роты, собирался в военную академию — грянула война. Дивизия, в которой служил Серегин, была переброшена из-под Полтавы на юго-западное направление в начале июля и сразу же при разгрузке эшелонов вступила в бой с прорвавшимися моторизованными соединениями гитлеровцев. Дороги войны свели его с Млынским, когда майор выводил из окружения батальон.

Один за другим подходили к Млынскому с докладом командиры. Последним докладывал мичман Вакуленчук, коренастый крепыш. Его голубые глаза смотрели открыто, бесхитростно, но светился в них природный украинский юмор. Морячок выглядел бывалым бойцом. Бушлат крест-накрест перетянут пулеметными лентами. На поясе три ручные гранаты и десантный нож. Винтовка с примкнутым штыком.

— Откуда здесь морская пехота? — спросил Млынский.

— Немецкие танковые клинья рассекли армию, и морской пехоте пришлось выходить из окружения на север...— четко отвечал Вакуленчук.

И в это время, как-то уж слишком неожиданно, раздался шум мотора. Над лесом, чуть повыше макушек, медленно кружилась «рама» — немецкий разведывательный самолет.

— Разойдись! — скомандовал Млынский.

«Рама» прошла над поляной, сделала круг и отвернула в сторону.

Млынский приказал повзводно, рассредоточившись, уходить лесом, не выходя на дорогу. Едва успели отойти километра два, над лесом прошла шестерка «юнкерсов». Раздались взрывы. «Юнкерсы» бомбили поляну и обступавший ее лес.

Где-то далеко справа слышалась артиллерийская канонада. Ее гул то нарастал, то затихал. Млынский внимательно прислушивался, но определить район боя так и не смог...

ГЕНЕРАЛ ФОН ХОРН НЕРВНИЧАЕТ

Город притих, затаился. Только кованый сапог стучит по мостовым. Чужая речь. Отрывистые команды.

— Шнель!

— Хальт!

На главной улице шумно. Но шум необычен. Врубаясь гусеницами в асфальт, медленно проходят по улице танки. На городской площади зловещей буквой — виселица. На ней раскачиваются потемневшие трупы...

Здание двухэтажной городской школы обнесено высоким забором из колючей проволоки, к нему по столбам протянулись паутины разноцветных проводов: черных, красных, зеленых, желтых...

Вдоль забора сходятся и расходятся часовые.

В школе разместился штаб немецкой полевой армии.

Актовый зал...

Здесь теперь кабинет командующего армией генерал-полковника фон Хорна.

Интенданты постарались на славу. Разыскали старинный огромный письменный стол, принесли из городского музея антикварную лампу.

Чуть поодаль сдвинуты столы. На столах расстелены полотнища тактических карт.

Фон Хорн — невысокий, сухощавый человечек. Он тонет в этом непомерно огромном кабинете, его скрипучий дискант едва слышен, но, и едва слышный, он господствует, повелевает.

Два слова в телефонную трубку. От этих двух слов там, на другом конце провода, человек

С. ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

или озаряется улыбкой, или тяжко вытирает с лица пот...

Генерал любит уют, любит далекий от него сейчас родной дом. Саперы соорудили в кабинете походный камин. Под ногами генерала — медвежья полость.

Генерал сидит, откинувшись на спинку мягкого кресла. Адъютант демонстрирует генералу картины.

Фон Хорн, начав «восточный поход», решил стать коллекционером. Его вдохновил пример генерала фон Рейхенау, который первым запустил руку в Лувр, прорвавшись со своими танками в Париж.

Кто-то объяснил фон Хорну, что русская старина ценится за океаном, за нее платят доллары, надежную валюту... А картины? Картины будут отличным и модным украшением особняка в Берлине и виллы в Баварии.

— Зер гут! — произносит фон Хорн, если картина ему нравится. Если раздается короткое «шнель», адъютант передает картину ефрейтору, и тот выносит ее из зала.

Когда звонит телефон, Крюге неторопливо снимает телефонную трубку, выразительно глядя на генерала, произносит фамилию. Генерал делает едва заметное движение головой, Крюге немедленно отвечает сухим, официальным тоном:

— Генерал фон Хорн в войсках.

В иных случаях фон Хорн берет трубку из рук адъютанта и отдает короткие приказания.

Адъютант молод, легок на ногу, услужлив без назойливости. Высокий блондин, с чертами лица, отвечающими стандартам нордической расы. Это нравится генералу, нравится это и молодой супруге фон Хорна Эльзе.

Генерал-полковник взял ее из семьи крупного финансиста и считал удачным союз меча и чековой книжки.

Закончив отбор картин, генерал отпустил адъютанта и вызвал начальника оперативного отдела полковника Глобке. Вошел высокий, седой, подтянутый офицер. Выбросил вперед костлявую руку. Фон Хорн небрежно ответил на приветствие.

— Я прошу, полковник, доложить обстановку в районе дислокации нашей армии.

Глобке тщательно протер белоснежным платком пенсне, подошел к оперативной карте, расстеленной на столе, и монотонным голосом начал доклад:

— Господин генерал! В течение суток наши войска оказывали давление на русских. Разведка ищет слабый стык между частями противника...

— Мне это известно, что известно вам о частях Красной Армии, оставшихся в котле?

— Они уничтожены, пленены.

— У вас совершенно точные сведения?

Полковник слегка замялся.

— Если все окруженные части, как вы изволили сказать, уничтожены,— с иронией продолжал генерал,— на кого в таком случае наш доблестный генерал Шранке сегодня обрушил бомбовый удар? Да, да, в лесу!

Полковник неуверенно ответил:

— На разный сброд...

Генерал повысил голос:

— Потрудитесь уничтожить этот сброд, полковник! Об исполнении доложите мне лично!

— Слушаюсь!

ВАЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Крепко сжимая рукоятку пистолета «ТТ», осторожно, по-кошачьи, обходя густые кустарники и лесные поляны, Потешин шел на юг. Где-то далеко впереди поднималось зарево. Своими огненными языками оно лизало черное небо. Тяжелые тучи не позволяли зареву расплываться далеко.

Ноги подкашивались. Потешин забрался под раскидистые молодые побеги орешника, опустился на сухие листья. Светящиеся стрелки циферблата показывали три часа. Слабость разлилась по всему телу, глаза слипались. Он забылся.

Проснулся от сильного треска. В лучах восходящего солнца на листьях и траве горела роса. Метрах в пяти от него, поставив передние лапки на пенек, подняв вверх уши, сидел заяц.

Потешин насторожился. Треск повторился совсем рядом. Косой сорвался с места и, петляя, скрылся в кустарнике. Потешин плотнее прижался к земле. Напролом через кустарники на него шли немецкие солдаты: в шинелях мышиного цвета, в болотных касках, с автоматами, прижатыми к животу. Они шли медленно, длинной развернутой змейкой. Потешин похолодел. Осторожно ощупал торчавшие за поясом гранаты, снял с предохранителя пистолет. Решив, что оставаться здесь нельзя: немцы обязательно обнаружат,— он выждал удобный момент, освободился от маскировавших его ветвей и попластунски пополз в густые кусты терновника. Острые колючки цеплялись за одежду, раздирали до крови кожу рук и лица.

Через несколько минут к зарослям терновника подошли немцы. После отрывистой команды очередями из автоматов прочесали кустарник. Затем двинулись дальше.

Потешин выждал, не торопясь выбрался из кустарника, исцарапанный в кровь, опустился в лощину, где играла на каменных перекатах говорливая речушка. Он подполз к берегу и припал губами к холодной воде.

Речушка неглубокая, прозрачная, каждый камешек различим на дне. Бежит по известковому ложу, вбирая в себя древние роднички.

Вкусна вода. Зубы ломит. Поспешно плеснул несколько горстей на лицо. Сразу из глаз ушел туман, вода бодрила, она, словно сказочная живая вода, исцеляла от усталости.

Потешин снял бушлат и тельняшку. Вымылся по пояс. Ссадины на лице, шее залепил листьями подорожника и зашагал вверх по течению. Звон воды на камнях приглушал шаги.

Река несколько раз круто вильнула, показался на лужайке одинокий домик, похожий на лесную сторожку. Окнами дом смотрит на речку, сараями и крытым двором на лес. Забор заколочен мелкими хворостинками. Из трубы сизой струйкой поднимается дым, обещая прохладный, безветренный день. Люди...

Что за люди? Совсем рядом недавно прошли немецкие автоматчики. Они могли завернуть на этот дымок.

Но слишком уж все спокойно и тихо вокруг, мирно тянется вверх сизый дымок, без тревоги пощипывают траву гуси.

Из дома вышла пожилая женщина, за ней верхом на палке выскочил веснушчатый белобрысый мальчуган. Женщина деловито ходила по двору, а мальчуган как угорелый носился на своем лихом коне. Если бы немцы были в доме, так не бегал бы.

Потешин подошел к дому. Первым заметил его малыш. Подбежал к женщине, дернул за юбку, указывая пальцем на Потешина.

— Вам кого? — спросила женщина, когда Потешин приблизился.

— Немцев в доме нет?

— Входи, сынок, входи. Проходи, сынок! — снова сказала она почему-то необычно громко.

С печи спустился старик лет семидесяти. Исподлобья осмотрел Потешина, спросил:

— За кого воюешь?

— За Советскую власть, дед! — весело ответил Потешин.— Вот бушлат и бескозырку видишь...

— Нынче немец, говорят, всякую форму носит. Прикидываться стал мастак!

— Какие же тебе, дед, доказательства предоставить, прямо и не знаю...

Потешин пошарил в кармане и вытащил красную звездочку от бескозырки.

— Вот разве что! Снял я звездочку на всякий случай...

— Побрякушку-то?! — спросил с сомнением старик.

— Это не побрякушка! — перебил его Потешин.— Это боевая звезда краснофлотца! А дарю я ее на память! Чтобы не забывали нас, чтобы отдал ты мне ее, когда мы сюда вернемся!

Старик смягчился.

— Сынок,— сказал он.— Не ко времени ты к нам подался! Немцы вторые сутки шныряют по лесу. На дорогах стоят ихние танки. Ни конному, ни пешему ходу нет! Стреляют без предупреждения. Нахватали себе по темным углам темных людей. Полицаями прозываются. Они местные. Лесные тропы им ведомы. От полицаев слыхал стороной, что в лесу у нас какой-то военный отряд проявился...

Старик примолк, из-под густых бровей скосил глаза на Потешина, как бы спрашивая взглядом, не из того ли он отряда.

Доверительно, понизив голос, добавил:

— В этом лесу я жизнь прожил. Лесником работал... Все тропы знаю. Так што ежели...

— Хватит тебе болтать, дед,— строго оборвала его хозяйка.— Говори, да знай меру, человека накормить надо, а ты его баснями...

Она поставила на стол казанок с картошкой.

— Садись, сынок, откушай, что бог послал! До нас, слава те господи, немец не дошел, пробавается леса нашего. А по селам рыщет. Стонут люди.

Не успела она сказать это, как донесся треск мотоциклов, лай собак. Вбежал запыхавшийся и перепуганный мальчик.

— Немцы!

Хозяйка лишь на мгновение растерялась. Схватила Потешина за рукав, потащила в коридор.

— Моментом на чердак.

И к мальчику с кулаком:

— Чтоб ни слова, Мишутка.

Потешин вскочил на стоящую в углу кадушку, ухватился за поручни в стене, ловко подтянулся. Разведчик добрался до слухового оконца, откуда видны были подступы к дому.

Крытая брезентом машина и два мотоцикла остановились у калитки. Из машины выскочили десятка два немецких солдат с автоматами наизготовку. Они окружили дом, вытолкали на улицу старика, женщину и мальчика.

— Шнель, шнель!

Долговязый офицер в пенсне, блестевшем на солнце, и маленький толстый человечек в штатском костюме поджидали их у крыльца. Офицер спросил:

— Партизан?

— Где партизаны? — переспросил человечек в штатском.

— Не знаем мы никаких партизан. В глаза их не видели! — за всех ответил старик.

— Руссише швайн! — крикнул офицер и ударил старика по щеке. Тот пошатнулся, но устоял на ногах.

Офицер что-то яростно кричал, переводчик торопился перевести.

— Где партизаны? Говори!..

На старика сыпались удары.

— За что вы его избиваете? Он же больной! — в голос закричала женщина, пытаясь заслонить собой старика. Рукояткой пистолета офицер с размаху ударил женщину по голове. Обливаясь кровью, она опустилась на траву.

— Бабушка, бабушка! — закричал мальчуган.

Солдаты сбили старика с ног, пинали и топтали его сапогами. А когда офицер что-то сказал им по-немецки, они подхватили всех троих, поставили у забора.

Старик мрачно и зло смотрел на офицера.

Переводчик подскочил к ним.

— Если через минуту мы не услышим от вас, где партизаны, вам всем будет смерть!

Старик, пошатываясь, сделал несколько шагов вперед.

— Партизаны? — спросил он, глядя поверх переводчика на офицера.

— Партизан! Шнель! Шнель! — торопил его офицер.

— Я скажу, где партизаны...

Немцы притихли.

Потешин похолодел. Неужели старый лесник предаст? Нет, не может того быть!

Потешин чуть отступил от окна, изготовился, чтобы ударом ноги выбить жиденькую раму слухового оконца для броска гранаты. Он мог бы и сейчас вмешаться. Немцы стояли кучно. Взрыв гранаты наверняка покончит с ними, но под осколками погибнут и свои. Потешин напрягал слух, он ждал, что скажет старик.

— Партизан вот где! — Старик положил руку на сердце.— Все мы партизаны. Знай и помни это, гитлеровская сволочь! — и плюнул в лицо офицера.

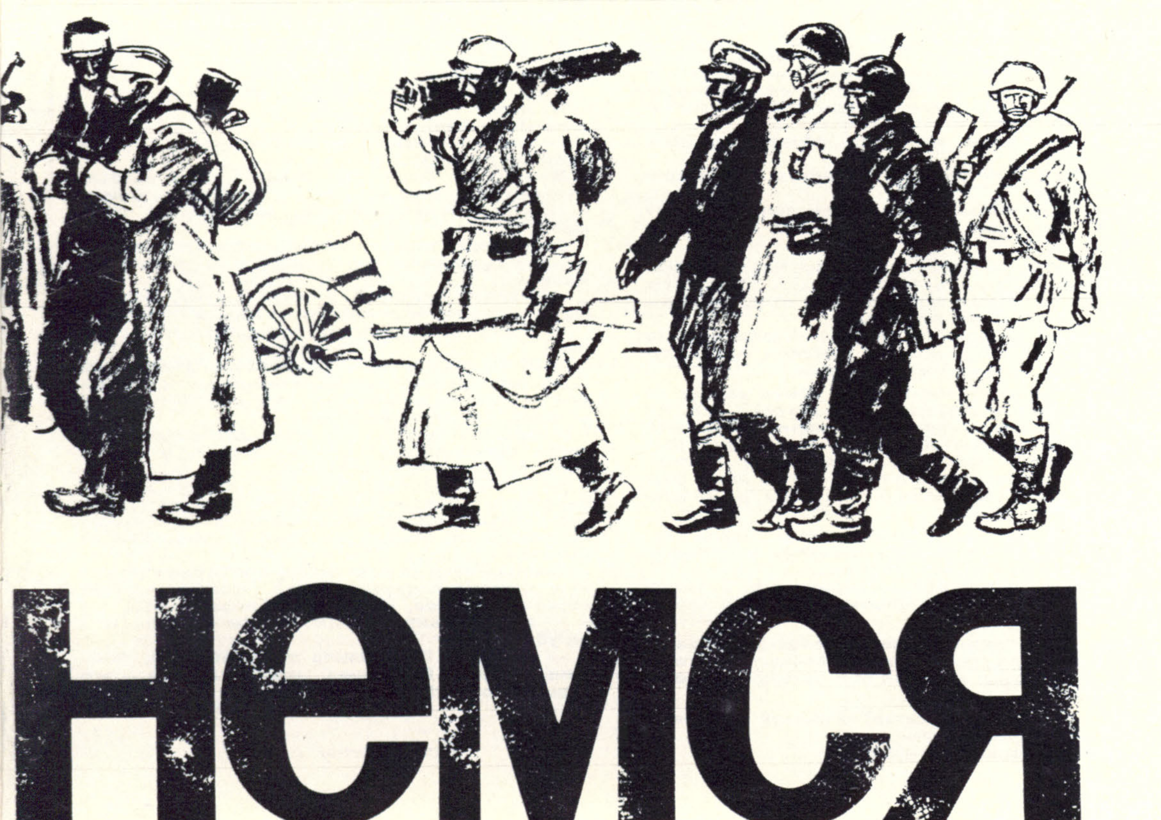
— Руссише швайн! — вскрикнул офицер и выстрелил.

Старик качнулся и медленно осел на землю. Офицер вгонял пулю за пулей ему в грудь. Немцы теснее сомкнулись у забора.

Потешин замер. Вот она — минута, которая не повторится. Бросок гранаты, очередь из автомата. Дорого заплатили бы немцы за старика.

А офицер уже вкладывал новую обойму в пистолет. Тяжело ступая, подошел к женщине. Она стояла, прикрыв онемевшего мальчугана обеими руками.

Офицер оттолкнул ее. Прицелился в мальчика. Переводчик объявил:

XXIV СЪЕЗДУ КПСС ДОСТОЙНУЮ ВСТРЕЧУ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Труд

Орган Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов

В интересах укрепления мира

В ПРЕЗИДИУМЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ГОЛОС РАБОЧИХ

50 лет назад, 19 февраля 1921 года, в Москве вышла новая газета. Она называлась коротко и необычно — «Труд». В колонках первой передовой были изложены ее программа и задачи: «Газета «Труд» должна быть и будет газетой массовика-рабочего, газетой воспитания, вовлечения и обучения. В ней рабочий найдет ответы на все вопросы его быта, его участия в хозяйстве, его самодеятельности на заводе и вне завода. Она будет для него школой коммунизма и творческого труда».

С тех пор и поныне главный автор и герой газеты — рабочий человек, изо дня в день звучит его могучий голос. Алексей Стаханов, ткачихи Виноградовы, Александр Бусыгин — знатные люди страны, зачинатели соревнования еще с момента обращения ленинградского «Красного выборжца»... На страницах газеты они делились опытом, звали на штурм рекордов, будили неиссякаемый родник рабочей инициативы. Обо всем этом писалось на страницах «Труда». И сегодня, верная своим традициям, газета широко предоставляет трибуну ударникам пятилетки, ведущим разговор о том, как лучше встретить предстоящий XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза.

В день своего рождения газета обещала «...заинтересовать толщи пролетариата» работой профсоюзов. Самой долговечной ее рубрике «Профсоюзная жизнь» тоже исполнилось пятьдесят лет. Ей уже давно стало тесно в старых рамках. Сегодня можно сказать, что нет ни одной области разнообразных профсоюзных дел, которыми бы газета не занималась. Тут и рассказы о рабочих клубах и о школе профсоюзного активиста, отчеты о том, как выполняются решения, и просто информация о новостях рабочего быта и отдыха...

Полвека назад газета вышла всего в 150 тысячах экземпляров. Сегодня ее тираж — 5 миллионов. Она печатается в 39 городах страны и распространяется далеко за ее рубежами, на всех континентах. Это, пожалуй, главное свидетельство ее роста. Пусть же голос рабочих звучит так же уверенно и мощно, пусть ведет за собой строителей коммунизма!

«ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН»

Так называется только что вышедший в свет новый научно-популярный журнал Министерства юстиции СССР.

С первых же страниц его мы как бы окунулись в гущу жизни, в гущу сложнейших, острых, драматических ситуаций и проблем. Со страниц журнала мы узнаем, как эти нелегкие проблемы разрешаются.

Все чаще на страницах газет и журналов встречаются судебные очерки. И не будет преувеличением, если мы скажем, что интерес к ним огромен. Новый журнал целиком посвятил себя этой злободневной теме. Начиная с фотокопии первой страницы Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, написанной рукой В. И. Ленина, и кончая снимками, сделанными свыше четверти века тому назад на Нюрнбергском процессе, все материалы вызывают живой интерес.

Журнал посвящает нас в подробности судебных заседаний, знакомит с работой юристов, с новым трудовым законодательством.

Среди авторов первого номера журнала мы встречаем известных журналистов, писателей, ученых.

Одно лишь перечисление заголовков очерков, писем, статей говорит о том, что редакция намерена вести острый, откровенный, нелицеприятный разговор с читателем. Полемический накал ощущается в переписке педагогов, родителей, судебных работников. Большое внимание журнал уделяет правовому воспитанию подрастающего поколения.

З. ХИРЕН

— Если ты, дура баба, не укажешь, где партизаны, твоего внука пристрелят. Говори!

Женщина сжала ладонью рот и откачнулась к забору.

Офицер выстрелил ей в лицо. Она, падая, пыталась прикрыть собой внучонка.

У Потешина зашлось сердце. Ударом левой ноги он выбил раму, в слуховое окно полетела граната.

Звон разбитого стекла слился с разрывом.

Потешин припал на колено и с упора полоснул очередью из автомата. Он снял шофера грузовой машины и уложил отбежавших немцев.

«Так просто? Неужели ни один не ушел? Бросок гранаты. Очередь из автомата! Их можно бить! И даже очень можно,— ликовал про себя Потешин.— Покорители Европы! Мы вас накормим русской землей»!

Потешин спрыгнул с чердака и, держа наготове гранату, вышел на крыльцо.

Вповалку лежали немецкие солдаты.

Потешин подошел к старику. Убита была и хозяйка. Потешин наклонился. На него смотрели испуганные глазенки мальчишки.

— Дяденька, дяденька! — прошептал мальчик.— Возьмите меня с собой... Мне страшно! Я боюсь!

Потешин потянул мальчика за руку. Тот выбрался из-под бабушки, которая телом своим защитила внука.

— Идем, малыш, идем...

ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА

Детство Семена Бондаренко прошло в тех местах, где сейчас отряд Млынского пробивался к линии фронта. Семен знал эти места. Они много и подолгу бродили с отцом по лесам. Отец водил его по глухим тропкам. Был он большим любителем собирать грибы.

Поход с отцом за грибами для Семена праздник. Собирались с вечера. Отец выставлял на крыльцо высокие сапоги и плетеные корзины. Тщательно чистил казанок, в заплечный мешок укладывал краюху хлеба собственной выпечки, баночку со сметаной, лук, пучок укропа, головку чеснока, без которых ни соленый, ни вареный гриб не гриб.

Мать ворчала. Ей думалось, что мальчишка устает в этих походах. Какая усталость в четырнадцать лет!

По лесу впустую не ходили. Отец вел с одного грибного займища на другое. В березняке искали белый гриб. За рыжиками шли в молодые еловые посадки. Рыжики собирать нужны терпение и осторожность. Гриб нежный, едва коснешься — шляпка ломается, а вся прелесть рыжика в его огненной шляпке. Тут становись на колени и осторожно высвобождай семейку из травы. Потом уже срезай шляпки. Шляпки укладывали в корзину рубашкой вверх, так войдет больше и гриб будет целей.

Отец любил расположиться с полными корзинами возле родника, тут же зажарить в казанке на сметане десяток-другой мясистых боровичков, выпить стакан горилки и закусить жареными грибами. В такие минуты он был особенно разговорчив, любил поговорить о своей жизни. Последний разговор с отцом особенно глубоко запал в душу.

— Я в детстве увлекался физикой,— говорил он,— мечтал стать ученым. А вот, видишь, ученый из меня не получился. Только до преподавателя средней школы поднялся. Теперь вся надежда на тебя, Семен, смотри, не подведи физика-мечтателя. Должен же выйти из рода Бондаренко хотя бы один ученый.

Семен с отличием окончил среднюю школу, поступил на приборостроительный факультет Высшего технического училища имени Баумана. Днем учился, вечером пропадал в лабораториях.

Уже на первом курсе он обратил на себя внимание.

Учился Семен уже на четвертом, когда грянула война.

В первых числах июля Семен получил сразу два письма: одно с фронта, другое из родного города.

«Ваш отец Бондаренко Василий Иванович пал смертью храбрых в боях за нашу Советскую Родину...» — писал однополчанин отца. Никаких надежд письмо не оставляло.

В другом соседка по дому сообщала, что его мать умерла в больнице от тяжелых ран, полученных во время бомбардировки...

А уже через несколько дней Семен уезжал на фронт. Вечером студенты всей группой пришли его провожать на вокзал. И, конечно, пришла Наташа. В ее голубых глазах отражались растерянность и смятение. Золотистые волосы, обычно аккуратно стянутые в тугую косу, разлохматились, веки припухли, словно бы не спала она ночь.

Семен стоял на подножке вагона. Поезд тронулся. Наташа подбежала к вагону и протянула Семену небольшой сверток...

Уже в вагоне Семен развернул его. В свертке были шерстяные перчатки домашней вязки, портсигар и записка...

Всю эту историю Семен рассказывал Иванову на привале, после изнурительного многочасового перехода, который они совершили, получив задание.

— Вот он, и портсигар! — сказал Семен и протянул его Иванову.

— А что было в записке?

Семен посмотрел на друга, подумал, потом тихо ответил:

— Наташа писала, что любит меня... С глазу на глаз сказать об этом не решилась.

— А у меня на Урале жена и сынишка остались. Сашка, забавный такой. На прошлой неделе три годика ему исполнилось. Как они там без меня? — проговорил Иванов, тяжело вздыхая.

Бондаренко посмотрел на часы, сказал:

— Пора!

Они вышли из леса, перебежали дорогу и залегли в бурьяне. Тотчас в воздух взлетело несколько ракет. Бондаренко врос в землю, потеряв из виду Иванова. Иванов, решив, что ракет больше не будет, встал и, пригибаясь, побежал вперед. Неожиданно стало светло, как днем. Он понял, что просчитался, рванул влево, залег. Застучали пулеметы и автоматы. Пули косили бурьян. «Заметили или не заметили?» — пронеслось в голове.

Бондаренко подполз к товарищу.

— Жив?

— Пока жив!

— Вперед! — приказал сержант, когда стрельба прекратилась.

Минут пять было тихо. А когда сзади раздался лай собак и крик: «Рус, сдавайся!» — Семен и Николай поняли, что до катастрофы один шаг.

Бондаренко выхватил из кармана гимнастерки пакет, вложил его в портсигар и передал Иванову:

— Пакет передашь в штаб армии, портсигар — Наташе, там ее адрес. Иди, я прикрою!

— Товарищ сержант, я вас одного не оставлю!

— Я приказываю! — прошептал Бондаренко.

...Иванов вышел в расположение частей Красной Армии. В штабе, куда его немедленно доставили, он передал пакет.

Начальник штаба, прочитав донесение, еще долго расспрашивал его об отряде, о Млынском, о сержанте Бондаренко.

— А это, товарищ генерал, сержант просил переслать Наташе, девушка у него такая есть! — Он протянул портсигар.— Если останется живой, то зайдет за ним. В нем адресок имеется.

Генерал открыл портсигар, прочитал вложенную записку, побледнел. «Что с вами?» — хотел спросить Иванов, но генерал опередил его:

— Где сержант Бондаренко? Вы уверены, что он убит?

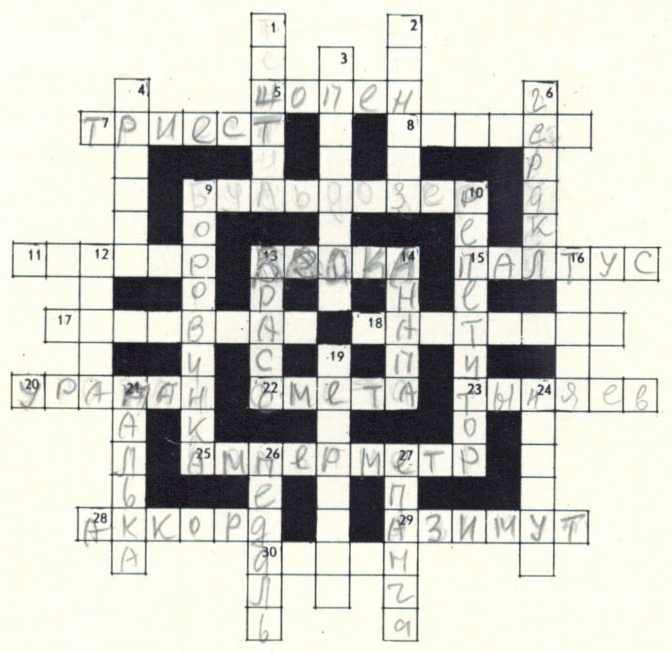
— Сержант Бондаренко отстреливался, товарищ генерал! Последнее, что я слышал,— это взрывы гранат!..

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Польский композитор и пианист. 7. Порт в Югославии. 8. Вокальная пьеса для трех исполнителей. 9. Землеройная машина. 11. Роман К. А. Федина. 13. Пушной зверек. 15. Промысловая рыба. 17. Река в Средней Азии. 18. Жанр народно-поэтического творчества. 20. Ветер разрушительной силы. 22. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 23. Советский писатель. 25. Прибор для измерения силы электрического тока. 28. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 29. Угол между направлениями на север и заданным движением. 30. Гуцульский танец.

По вертикали: 1. Спортивная игра. 2. Метод научного исследования. 3. Вращающийся вал металлорежущего станка. 4. Шелковая ткань с ворсом. 6. Герой древнегреческой мифологии. 9. Сорт яблок. 10. Рассказ А. П. Чехова. 12. Поверхность шара. 13. Стиль плавания. 14. Курорт на берегу Черного моря. 16. Птица отряда дятловых. 19. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 21. Опера С. Монюшко. 24. Приток Енисея. 26. Ножной рычаг. 27. Старинная русская одежда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 7. Печорин. 8. Рангоут. 10. Астра. 11. Навои. 12. Кирза. 13. «Тронка». 16. Басоля. 19. Семипалатинск. 20. Прадед. 23. Каскад. 25. Ирина. 26. Хопер. 28. Блуза. 29. Франция. 30. Магнето.

По вертикали: 1. Флора. 2. Наган. 3. Гектар. 4. Килька. 5. Баобаб. 6. Буйвол. 9. Перекладина. 14. Опера. 15. Клише. 17. Арика. 18. Отсек. 21. Рапира. 22. Дикция. 23. Карбас. 24. Алушта. 27. Ранец. 28. Бенуэ.

На первой странице обложки: Будни Советской Армии.

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Памятник советским воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, воздвигнут в Саранске, столице Мордовии. Авторы памятника-монумента — скульптор Н. Томский и архитектор А. Душкин.

Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/II-71 г. А 00519. Подп. к печ. 16/II-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 212. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 298.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

А ВЫ БЫВАЛИ НА ПТИЧЬЕМ?

В. МОРОЗОВА **Фото К. КАСПИЕВА.**

Воскресное раннее утро. У Таганки очередь. Подходят маленькие десятиместные автобусы, забирают пассажиров, мчат их без остановок прямо к воротам Калитниковского рынка. Название это написано на вывеске. Но для любого москвича это просто Птичий рынок.

Здесь все необычно. На прилавках — ряды аквариумов, самодельных клеток, ловушек, корзин, каких-то баночек, груды трубок, камней, ракушек. Ярко-красные меченосцы с иссиня-черными молинезиями занимают одно стеклянное помещение. Ясно, что так они выглядят эффектнее! Пучеглазые вуалехвосты захватили отдельные квартиры, наверное, боятся за сохранность своих кисейных плавников. Не нуждаются в соседях избалованные суматрские барбусы. Малейшее изменение температуры, мусор и плохое питание губительны для этих неженок.

Экзотически яркие расборы и неоны носятся взад и вперед, стараясь показаться завороженному зрителю одновременно со всех сторон. А вот толстые серые сомики спокойны. Деловито ползают они по дну, подбирая крошки.

И почти на каждом прилавке — гуппи.

— Неужели они живородящие? — удивляется какой-то новичок.

— Вот купи и наблюдай прямо у себя дома тайну природы. Не успеешь оглянуться, весь твой аквариум заполнится шустрыми сорванцами,— улыбается продавец.

Покупателя здесь любят обстоятельного, знающего.

Вот женщина укладывает банку с рыбками между теплыми грелками. Продавцы довольны:

— Хоть одна нашлась серьезная покупательница. А то жены ворчат, что пустое, мол, это занятие, трата денег и времени.

А на чудака с лупой смотрят с усмешкой.

— Неужто глаз мало? Что ее, рыбу, в лупу смотреть? Чай, не микроб какой.

Около хозяина шарфовых меченосцев собралась целая толпа слушателей. Меховая шапка лихо заломлена на самый затылок, лицо раскраснелось:

— А прабабка у них была, я вам скажу, почти с ладонь. За двенадцать рублей купил ее тогда у одного.

Разноголосое птичье царство... Клесты, щеглы, чижи, зяблики, чечетки, снегири, вьюрки, попугаи, канарейки — в самодельных клетках, расставленных на прилавках, развешанных на заборах, а то и просто за пазухой у продавца. И все это летающее население прыгает, свистит, чирикает, щебечет, щелкает на все лады.

Попугаев покупают больше мамы с дочками, мальчишки — щеглов да чижей, а около канареек в основном опытные специалисты.

— ...Был у меня зеленый кенарь, а теперь хочу лимонного...

— Никак у меня не получается чистый белый цвет...

— ...Дорого ему! Что ж, я тебе этакого певца на вес продавать буду?..

— Сначала я голубями занимался, потом кроликами, а сейчас вот певчими уже два года увлекаюсь. Надоедает одно и то же.

— А верблюдов у тебя, случаем, нет?

— Мой самец немецкого дудочного напева. Двух уже обучил!

— Красноперку, ее кормить надо особо, а то цвет пропадет...

Отчаянные специалисты и в голубином ряду. Настоящего любителя видят издалека. Такому товар расхваливать не надо, сам видит. Зато с простаками, бывает, и нервы потрепать приходится:

— Да куда ж ты лезешь? Сизаря от дутыша отличить не можешь. А туда же! Это ж орел, а не голубь!

Краснощекая женщина продает ручных мышей. Они послушно сидят у нее на ладони, потом неторопливо ползут по рукам, забираются на плечи.

Мышки маленькие, серые, с длинными прозрачными хвостами. Ни у кого из окружающих эта картина не вызывает ни испуга, ни насмешки. Здесь любят всякую тварь, а уж на такой товар любители всегда есть. Кому хочется мышек покрасивее, пожалуйста: бархатно-черные, розовые, палевые. Здесь же сидят и хомячки, сосредоточенно жующие какой-то корм. Рядом с выхоленными разноцветными мышками-аристократками они выглядят, как дворняжки. Шкурки у них неопределенного бурого цвета, шерсть всклокоченная, но и их не обойдет ласковый взгляд любителя.

Долговязый парень в очках держит совсем почти плоскую черепашку, больше похожую на черепаховую табакерку, чем на живое существо. На улице холодно, и она предусмотрительно спрятала все свои подвижные части тела под крышку собственного панциря.

Несколько прилавков занимают продавцы кормов. Здесь и канадская ладея, связанная пучками, словно укроп, и мешочки с семенами для птиц, и тазы с циклопами, банки с мотылем и трубочником, кульки с сухим кормом.

И среди всех этих прилавков, полных живых соблазнов, снует туда-сюда толпа самой разнообразной публики.

Вот две молодые дамы в темных очках и в модных пальто «макси». Их появление на рынке вызвало сначала некоторое замешательство и удивление. Но они так решительно врезались в густую толпу покупателей рыб, с таким умением стали отбирать в свои баночки черных скаляриев, ярких гурами, усатых креветок-санитаров, что вскоре о них совсем забыли.

Впрочем, не все покупатели здесь покупают. Дома у такого полна квартира всякой живности: и рыбки у него есть, и кенарь что ни на есть голосистый, и белка колесо крутит. Больше уж вроде и некуда, а все не спится ему, тянет на Птичий.

— Поеду, пожалуй, может, что интересное попадется.

Вот и топчется он здесь до посинения. Все высматривает, выспрашивает да собеседников все ищет, чтоб похвалиться своими радостями, своими заботами.

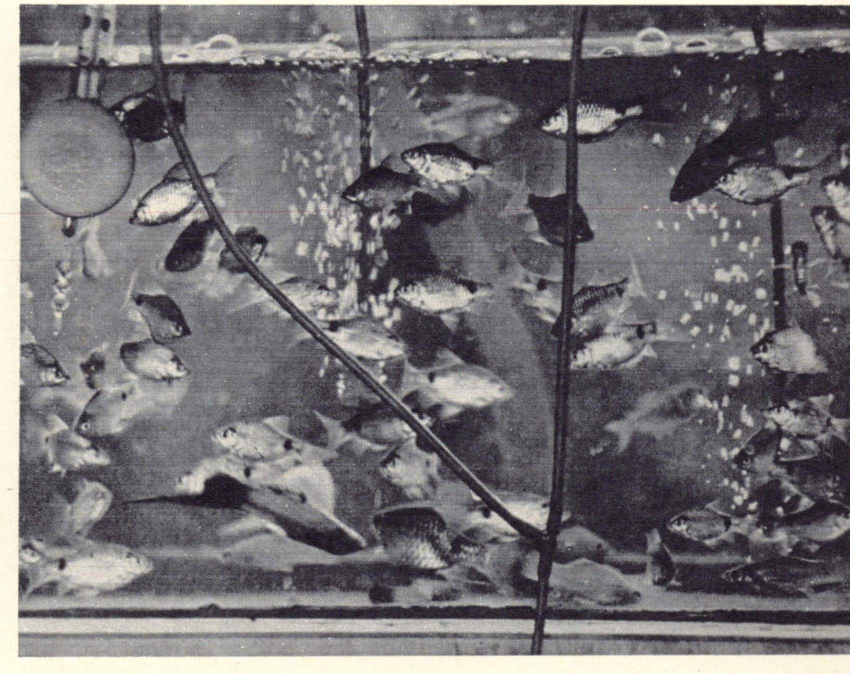
Шумит, галдит Птичий рынок, этот своеобразный уголок Москвы, где всех объединяет святая любовь к животным. И очень жаль, что этой влюбленности в свой «живой товар» часто не хватает работникам «Зооообъединения» и общества охраны природы. Ведь именно они призваны, так сказать, в государственном масштабе удовлетворить тягу горожан к живой природе. Полки зоомагазинов часто пустуют, а редкого зверька здесь вообще никогда не встретишь.

А ВЫ БЫВАЛИ НА ПТИЧЬЕМ?

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.